

Вспоминая Нисаргадатту Махараджа

Автор статьи – Дэвид Годман

Нисаргадатта Махарадж

Недавно я сидел с моей гостьей, держа в руках новую книгу о Нисаргадатте Махарадже, представляющую собой подборку фотографий и коротких цитат. Некоторые люди на фотографиях были мне знакомы, и я рассказал о них несколько историй. Это стало поводом для более широкого и продолжительного обсуждения событий, происходивших в присутствии Махараджа. После ухода гостьи я почувствовал, что должен записать кое-что из того, что вспомнил, тем более что на тот момент мною так ничего и не было написано из воспоминаний о Махарадже. Пока я прослушивал наш разговор в повторе, в моей памяти всплыло ещё несколько происшествий, забытых мной на долгие годы. Таким образом, всё изложенное ниже является пересказом приятной послеполуденной беседы, дополненным воспоминаниями о связанных с обсуждаемыми темами событиях, остававшихся до этого по каким-то причинам невостребованными.

Гарриет: Все книги о Махарадже, которые мне приходилось видеть, и думаю, что я видела большинство из них, содержат описание его учения. Неужели до сих пор так никто и не удосужился рассказать о том, что происходило вокруг самого Махараджа? У Рамакришны есть «Евангелие от Рамакришны», у

Раманы Махарши есть книга «День за днём» и ещё целая библиотека книг, написанных его преданными, где они рассказывают о своей жизни рядом с Гуру. Почему же Махарадж никого не вдохновил на написание чего-либо в подобном жанре о нём?

Дэвид: Махарадж очень редко говорил о своей жизни и никогда не приветствовал обсуждение этой темы. Думаю, что он видел себя кем-то вроде врача, диагностирующего и лечащего духовные недуги, замеченные у искавших его совета людей. Лекарством были его присутствие и обладающие могучей силой слова. Истории из его прошлого не были частью «медицинского» назначения. Истории о чём-либо или о ком-либо ещё ему тоже не интересно было рассказывать.

Гарриет: Вы сказали «редко говорил». Это значит, что, по крайней мере, какое-то небольшое количество историй всё же прозвучало в вашем присутствии. О чём же он рассказывал?

Дэвид: В основном о своём Гуру, Сиддхарамешваре Махарадже, и о том влиянии, которое он оказал на его жизнь. Думаю, что любовь к Гуру и благодарность к нему жили в нём всегда. Нисаргадатта Махарадж ежедневно исполнял пять *бхаджанов* только потому, что такой была просьба его Гуру. Сиддхарамешвар Махарадж ушёл из этого мира в 1936 году, однако Нисаргадатта Махарадж и через сорок с лишним лет, прошедших с того момента, всё ещё продолжал выполнять эту практику.

Сиддхарамешвар Махарадж

Однажды я слышал, как он говорил: «Мой Гуру просил меня ежедневно петь эти пять *бхаджанов*, и пока он был жив, он не отменял своих указаний. Для меня нет больше надобности в их исполнении, но я до своего последнего дня буду это делать, поскольку таким было распоряжение моего Гуру. Я знаю, что эти *бхаджаны* бессмысленны, но, несмотря на это, я продолжаю подчиняться его указаниям из уважения и благодарности, которые я к нему испытываю».

Гарриет: Говорил ли он когда-нибудь о том времени, когда он был рядом с Сидхарамешваром, и о том, что между ними происходило?

Дэвид: Ни разу за все мои приходы к нему. Однажды во время одной из утренних сессий пришёл Ранджит Махарадж. Несколько минут они говорили на маратхи, и затем Ранджит ушёл.

Комментарий Махараджа был весьма кратким: «Этот человек – *джняни*. Он ученик моего Гуру, но он не учит».

Конец истории. Этот визит мог бы послужить трамплином к какому угодно количеству историй о его Гуру или о Ранджете, но ему не интересно было их рассказывать и он просто продолжил отвечать на вопросы посетителей.

Ранджит Махарадж

Гарриет: Что вам ещё удалось узнать о нём и о духовной традиции, к которой он принадлежал?

Дэвид: Он был частью духовной линии, известной как Навнатх Сампрадаёй. Это не было секретом, поскольку у него на стенах висели фотографии и изображения многих учителей из этой линии. Каждое утро он совершал Гуру-

пуджу, в завершение которой наносил *кумкум* на лбы всех учителей из его линии, а также на фотографии всех остальных, кого он считал просветлёнными. Должен сказать, что в его комнате портретами были увешаны все стены. Рамана Махарши там также присутствовал вместе с другими известными святыми, не принадлежащими к его линии. И здесь же с ними вперемешку помещались такие, например, изображения, как портрет Шиваджи, знаменитого воина из народа маратхи, жившего несколько веков назад.

Однажды я спросил его, каким образом Шиваджи оказался на его стене, на что он ответил: «Мой сын хочет, чтобы я держал его здесь. Это лого нашей марки сигарет биди. Он считает, что если Шиваджи будет находиться среди портретов, для которых я совершаю *пуджу*, продажи будут расти».

Гарриет: Что он говорил о людях из его линии, запечатлённых на этих фотографиях? Он никогда не рассказывал, кем они были?

Дэвид: Никогда. Я узнал их имена лишь несколько лет спустя, когда мне попалась книга Р. Д. Ранада, представителя карнатакской ветви *сампрадаи*. Он или точнее его организация выпустила сувенир, содержащий те же фотографии, которые я видел на стенах Махараджа, с краткими описаниями того, кем были изображённые на них люди.

Но я помню один интересный рассказ Махараджа о *сампрадае*. Он отвечал на вопросы, как он обычно это делал, затем остановился и сделал следующее отступление в область истории:

«Каждый день я сижу здесь, отвечая на ваши вопросы, но это не тот способ передачи учения, который был принят среди учителей моей линии. Несколько веков назад вопросы никто никогда не задавал, и на них никто не отвечал. Наша линия – это линия домохозяев, что значит, что каждый должен был идти и зарабатывать на жизнь своим трудом. Не было подобных этим встреч, когда большая группа учеников собирается у Гуру и задаёт ему вопросы. Путешествия были трудными. Не было ни автобусов, ни поездов, ни самолётов. В старые времена Гуру путешествовал пешком, его же ученики тем временем находились у себя дома и присматривали за своими семьями. Чтобы повидаться с учениками, Гуру шёл от деревни к деревне. Если ему встречался кто-нибудь, кого он считал готовым к вступлению в *сампрадаю*, он инициировал его, передавая мантру своей линии. В одном лишь этом и состояло передаваемое им учение. Ученик должен был повторять эту мантру, а Гуру периодически приходил к нему в его деревню, чтобы проверить, как продвигается его развитие. Когда Гуру чувствовал приближение своей смерти, он назначал одного из преданных-домохозяев новым учителем, и этот новый Гуру принимал на себя все обязанности, связанные с передачей учения: хождение от деревни к деревне, посвящение новых преданных и наблюдение за развитием старых учеников».

Я не знаю, почему была вдруг рассказана эта история. Возможно, он просто устал снова и снова давать ответы на одни и те же вопросы.

Нисаргадатта Махарадж

Гарриет: Я слышала, что Махарадж иногда давал мантру, если люди его об этом просили. Это была одна и та же мантра?

Дэвид: Да, но он это не очень хорошо «продавал». Однажды я слышал, как он говорил: «Мой учитель уполномочил меня давать эту мантру всем, кто об этом попросит, но я не хочу, чтобы вы считали это необходимым или полезным. Намного важнее обнаружить источник вашего существования».

Тем не менее, некоторые люди просили дать им мантру. Тогда он звал их спуститься с ним вниз по лестнице и шептал её им на ухо. Мантра была на санскрите и к тому же была весьма длинной, но вам предоставлялась лишь одна-единственная возможность услышать её и запомнить. Он не записывал её для вас. Если вам не удавалось запомнить её с одного такого нащёптывания, другого шанса вы не получали.

Гарриет: Какие ещё указания о передаче учения давал ему Сиддхарамешвар? Это Сиддхарамешвар предложил Махараджу учить, отвечая на вопросы, а не придерживаясь более традиционного способа?

Дэвид: Я ничего не знаю о том, просил ли его кто-нибудь учить каким-то определённым образом. Сиддхарамешвар сказал ему, что он может учить и давать мантру любому, кто об этом попросит, но ему не было разрешено назначать преемника. Ведь вы помните, что при жизни Сиддхарамешвара Нисаргадатта ещё не достиг реализации.

Гарриет: Что вы можете сказать о его биографии? Рассказывал ли Махарадж когда-нибудь о своём детстве или о своей семье? Рамана Махарши часто рассказывал истории о ранних годах своей жизни, но я не могу припомнить, чтобы хотя бы в одной из книг о Махарадже упоминались события его биографии.

Дэвид: Это правда. Он был попросту не заинтересован в рассказах о своём прошлом. Единственная запомнившаяся мне история, которую он рассказывал, была скорее шуткой, чем историей. Однажды к Махараджу пришёл один человек, который, по-видимому, знал его много лет. Он завёл с ним разговор на маратхи в очень свободной манере, как старый знакомый. Никакого перевода не последовало, однако минут через десять все, кто знал маратхи, вдруг одновременно разразились хохотом. Получив сначала разрешение Махараджа, один из переводчиков объяснил, в чём было дело:

– Махарадж говорит, что когда он был женат, его жена обходилась с ним весьма круто. Она постоянно им командовала и указывала, что ему следует делать: «Махарадж, делай это. Махарадж, отправляйся на рынок и купи то-то».

Конечно, она не называла его Махараджем, но я не могу сейчас вспомнить, как она к нему обращалась.

Переводчик продолжал:

– Его жена давно умерла, Махараджу шёл тогда лишь пятый десяток лет. Обычно овдовевшие в таком возрасте мужчины женятся снова, поэтому все родственники Махараджа хотели, чтобы он нашёл себе новую жену. Но он отказался, сопроводив свой отказ такими словами: «В тот день, когда она умерла, я женился на свободе».

Мне трудно представить себе кого-либо, командующего Махараджем или хотя бы пытающегося это делать. Он обладал решительным характером, не терпящим никаких глупостей ни от кого.

Гарриет: Учитывая то, что приходилось слышать мне, «решительным» – это, наверное, немного мягко сказано. Я слышала, что он мог быть весьма раздражительным, а иногда и агрессивным.

Дэвид: Да, это так, но я думаю, что это было просто частью его учительского метода. Некоторым людям нужна определённая встряска, и, когда на них кричат, необходимый эффект может быть достигнут.

Я помню, как одна женщина спросила его скорее невинно:

– Я полагала, что просветлённые люди должны быть счастливыми и благостными. Вы же почти всегда кажетесь сердитым. Разве ваше состояние не приносит вам постоянное счастье и мир?

На это он ответил:

– У *джняни* есть только один настоящий повод для радости – когда ещё кто-нибудь становится *джняни*.

Гарриет: И как часто такое случалось?

Дэвид: Не знаю. По-видимому, это была одна из тем, которые он не любил обсуждать.

Однажды я спросил его прямо:

– Сколько людей достигло реализации, благодаря вашему учению?

Мой вопрос явно пришёлся ему не по душе:

– Какое тебе дело до этого? – спросил он меня. – Как тебе может помочь такая информация?

– Что ж, – сказал я, – в зависимости от вашего ответа мой оптимизм может либо возрасти, либо уменьшиться. Если это лотерея, в которой из десяти миллионов выигрывает только один билет, то у меня будет мало надежды на победу. Но если из тысячи билетов выигрывают сто, моя вера в успех будет намного сильнее. Если вы сможете убедить меня в том, что люди здесь пробуждаются, я буду чувствовать себя увереннее относительно своих собственных шансов. Думаю, что уверенность в моих шансах сделает мои намерения ещё более искренними.

Слово «искренность» было одним из ключевых слов его учения. Он считал, что нужно иметь сильное желание реализации Атмана и при любой возможности использовать для достижения этого все свои способности. Такую напряжённую сосредоточенность на истине он называл искренностью.

Я не помню точно, что мне ответил Махарадж, но помню, что он не назвал мне никаких цифр. Очевидно, он не считал, что мне или кому-либо ещё следует знать подобные вещи.

Гарриет: Может быть, реализованных людей было так мало, что информация об их количестве могла бы плохо отразиться на вашей «искренности».

Дэвид: Вполне вероятно, поскольку я не думаю, что их было много.

Гарриет: Вам всё-таки удалось узнать об этом прямо или косвенно?

Дэвид: В тот день нет. Но я об этом не забыл и продолжал ждать подходящего момента, чтобы снова поднять этот вопрос. Одним утром Махарадж казался более чем обычно разочарованным нашей общей неспособностью ухватить суть того, о чём он говорил.

– Люди, зачем я трачу на вас своё время?! – воскликнул он. – Почему никто из вас никак не может понять, о чём я говорю?

Я решил воспользоваться случаем:

– За все годы вашего учительства, сколько людей действительно поняли и познали на своём опыте ваше учение?

Несколько мгновений он молчал, а затем сказал:

– Один человек. Морис Фридман.

К этому он больше ничего не добавил, а я больше ни о чём не спрашивал.

Я уже говорил, что в завершение своей утренней *пуджи* он наносил *кумкум* на лбы всех просветлённых людей, изображения которых находились в его комнате. Среди этих изображений были и две большие фотографии Мориса, и с обеими из них проводилась церемония нанесения *кумкума*. Махарадж определённо испытывал к Морису большое уважение. Я помню, как во время

одного из моих утренних приходов, Махараджа расспрашивали о каком-то его высказывании, зафиксированном в книге «Я есть То». Кажется, оно касалось осуществления желаний.

Сначала Махарадж не соглашался с высказываниями, которые приписывались ему в этой книге, но потом сказал:

– Эти слова должны быть истинными, потому что они были написаны Морисом. Морис – *джняни*, а слова *джняни* – это всегда слова истины.

Я встречался с некоторыми людьми, знавшими Мориса, и у каждого из них было в запасе несколько удивительных историй о нём. В 1930-х годах он посещал Свами Рамдаса, и Рамдас, по-видимому, сказал ему, что это его последнее рождение. Этот разговор вошёл в книгу «Беседы со Шри Раманой Махарши» в конце 1930-х гг., за несколько десятилетий до его встреч с Махараджем. На разных этапах своей жизни Морис был последователем Раманы Махарши, Ганди и Дж. Кришнамурти. В те времена, когда он был с Ганди и работал у раджи одного маленького княжества, ему каким-то образом удалось убедить этого раджу отказаться от своих привилегий и передать всю свою власть людям, которыми до тех пор он управлял, как абсолютный монарх. Вся жизнь Фридмана была полна поразительных историй, таких, к примеру, как эта, но практически никому не известных. Один человек, бывший в 1960-х гг. высокопоставленным индийским государственным чиновником, рассказывал мне, что именно Фридман убедил тогдашнего премьер-министра Индии Неру позволить Далай Ламе и другим изгнанным из своей страны тибетцам остаться в Индии. Фридман, по-видимому, месяцами донимал его постоянными обращениями, пока премьер не дал, наконец, своего согласия. Ни одно из его действий, подобных этим, не получило широкого признания, поскольку Фридман не любил никакой славы и всегда старался делать свою работу анонимно.

Гарриет: Какими были отношения Фридмана с Раманой Махарши? Он писал что-нибудь об этом?

Дэвид: В книгах Раманашрама можно найти об этом не так много сведений, да и в тех нескольких местах, где фигурирует имя Мориса, Рамана обычно отчитывает его за попытки выказывать ему особое почтение. В статье, написанной Морисом уже на склоне его жизни, он сокрушается о том, что не в полной мере оценил учение Бхагавана и его присутствие и не в полной мере воспользовался ими, когда Бхагаван был ещё жив.

Однако выдающийся интеллект и редакторские способности Фридмана всё же нашли себе применение в издании книги «Евангелие от Махарши» в 1939 году. Эта книга представляет собой одно из наиболее важных собраний диалогов Бхагавана с его преданными. Вторая часть этой книги содержит вопросы Фридмана и ответы на них Бхагавана. Качество этих вопросов и в целом всего издания является весьма незаурядным.

Несколько столетий назад один французский математик сформулировал сложную задачу и предложил всем желающим решить её. Исаак Ньютон решил её быстро и изящно и отправил свой ответ анонимно. Французский математик

сразу же понял, что автором этого ответа был Ньютон и заметил: «Льва узнают по его когтям».

То же я могу сказать относительно второй части «Евангелия от Махарши». Несмотря на то, что имя Фридмана не было упомянуто ни в одном из изданий этой книги, я абсолютно уверен, что именно он был и редактором, и вопрошающим.

Морис Фридман

Гарриет: Исходя из того, что известно вам, кого ещё Махарадж публично признавал просветлённым?

Дэвид: Наверное, были и другие, но мне представилась возможность лично увидеть только ещё одного из них, одного канадца, – по крайней мере, я сам решил, что он канадец, – по имени Руди. Я прослушал несколько записей перед тем, как впервые прийти к Махараджу, и этот Руди заметно на них выделялся. Должен признать, что звучал он крайне вызывающе. Он был напористым и агрессивным спорщиком; по всей видимости, Махарадж несколько раз выставлял его за дверь. Я никогда не встречался с Руди, и всё, что я знал о нём, было почерпнуто только из тех записей.

И вот однажды утром Махарадж объявил:

– Сегодня к нам придёт *джняни*. Его зовут Руди.

Я засмеялся, поскольку решил, что Махарадж просто хочет поднять на смех претензии этого человека на просветлённость. Махарадж мог быть весьма язвительным с людьми, заявляющими о том, что они просветлены, на самом деле таковыми не являясь. Уолтер Кирс, учитель *адвайты* из Нидерландов, был одним из тех, кто попал в эту категорию. Периодически он приезжал в Бомбей, чтобы увидеться с Махараджем, и при каждом визите Махарадж ругал его за заявления о его просветлённости, поскольку это было неправдой. В одно из таких посещений Махарадж начал выговаривать ему, когда Кирс ещё даже не

успел войти в комнату. Прямо в ту комнату, где учил Махарадж, вела деревянная лестница. Как только голова Уолтера показалась над последней ступенькой, Махарадж отложил все другие дела и стал на него нападать:

– Ты не просветлён! Как ты смеешь учить на Западе, заявляя, что ты просветлён?

Во время одного из моих следующих посещений приход Уолтера также ожидался, и Махарадж всё спрашивал, когда же тот появится:

– Где он? Я хочу ещё раз его отругать. Когда он должен прийти?

В тот раз я ушёл до того, как появился Уолтер, так что мне не известно, какую форму принял тогда выговор Махараджа, но подозреваю, что он был таким же резким, как всегда.

Но как бы там ни было, давайте вернёмся к Руди. Когда Махарадж объявил, что придёт «джняни», я решил, что Руди ожидает то же, что и Уолтера. Однако, к моему большому удивлению, когда Руди, наконец, появился, Махарадж принял его, как подлинного *джняни*.

Проведя большую часть утра в гаданиях о том, когда же появится Руди, Махарадж в итоге спросил его, зачем ему вообще понадобилось приходить.

– Чтобы засвидетельствовать вам своё уважение и поблагодарить вас за то, что вы для меня сделали. Я уезжаю в Канаду и пришёл попрощаться с вами.

Махарадж не принял его объяснений:

– Если ты пришёл в эту комнату, значит, у тебя остались ещё какие-то сомнения. Если бы ты ни в чём не сомневался, ты бы сюда не пришёл. Я не хожу ни к каким другим учителям или Гуру, поскольку у меня уже давно нет никаких сомнений в том, кем я являюсь. Мне не нужно никуда идти. Многие люди приходят ко мне и говорят: «Ты должен пойти к тому или этому учителю. Они прекрасны». Но я никуда не хожу, поскольку мне ничего ни от кого не нужно. Наверное, ты всё ещё хочешь получить что-то такое, чего у тебя нет, либо ты ещё продолжаешь в чём-то сомневаться, раз ты пришёл сюда. Почему ты пришёл?

Руди ещё раз назвал причину своего прихода и замолчал. Я смотрел на него, и он казался мне человеком, пребывающим в состоянии внутреннего экстаза или блаженства, которое было настолько полным, что ему трудно было даже говорить. Для меня так и осталось неясным, принял Махарадж его объяснение или нет, но затем вопрос задала женщина, пришедшая вместе с Руди.

И Махарадж ответил ей так:

– Спроси об этом позже у своего друга. Он *джняни*. Он даст тебе правильный ответ. А пока храни молчание. Я хочу говорить с ним.

Именно в этот момент я понял, что Махарадж считал этого человека реализовавшим Атман. Затем Руди попросил Махараджа дать ему совет относительно того, что ему следует делать по возвращении в Канаду. Я думал, что в подобной ситуации для ученика является вполне естественным задать Гуру такой вопрос, однако у Махараджа это не встретило одобрения:

– Как ты можешь спрашивать меня о таких вещах, пребывая в Атмане? Разве ты не знаешь, что у тебя нет никакого выбора в том, что тебе следует и чего не следует делать?

Руди молчал. У меня было чувство, что Махарадж пытается спровоцировать его на ссору или спор, а Руди отказывается глотать наживку.

В какой-то момент Махарадж спросил его:

– Ты наблюдал свою собственную смерть?

И Руди ответил:

– Нет.

Затем Махарадж прочёл мини-лекцию о том, насколько важным является свидетельство собственной смерти для того, чтобы состоялась полная реализация Атмана. Он сказал, что подобное с ним произошло после того, как он решил, что полностью реализовал Атман, и уже только после переживания смерти он понял, что этот процесс был необходим для достижения окончательного освобождения.

Надеюсь, что кто-нибудь записал этот диалог на плёнку, поскольку сейчас мне приходится полагаться только на свою память о событиях двадцатипятилетней давности. Наверное, упомянутый аспект является важнейшей частью опыта Махараджа и его учения, но при этом я никогда не слышал, чтобы он ещё когда-нибудь о нём упоминал. Я также не встречал упоминания об этом ни в одной из его книг.

Махарадж продолжал внушать Руди, насколько важно стать свидетелем собственной смерти, но Руди только молчал и блаженно улыбался. Он отказывался защищаться и отказывался отвечать на провокации. Так или иначе, но я не думаю, что он вообще был в состоянии вступить в спор и поддерживать его. Каким бы ни было его состояние, оно поглощало всё его внимание. Я чувствовал, что ему было трудно произносить даже короткие фразы.

Наконец, Руди спросил:

– Почему вы так обеспокоены тем, чего не существует?

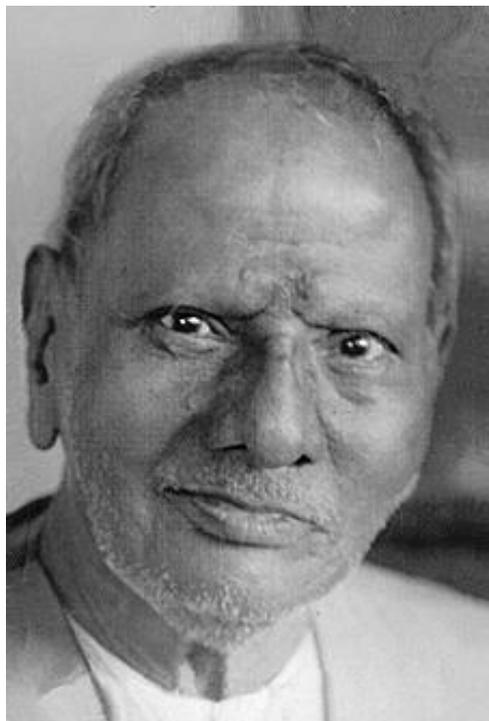
Я решил, что он имеет в виду нереальность смерти, и, таким образом, не видит смысла в спорах об этом.

Махарадж рассмеялся, принял его ответ и перестал его доносить.

– У тебя когда-нибудь ещё был такой учитель, как я? – с нажимом спросил Махарадж, усмехаясь.

– Нет, – ответил Руди, – а у вас был когда-нибудь такой ученик, как я?

Они оба рассмеялись и на этом диалог закончился. Я ничего не знаю о том, что стало с Руди. Он уехал, и больше я о нём не слышал. Как принято говорить в завершение сказок, наверное, с тех пор он жил счастливо.

Нисаргадатта Махарадж

Гарриет: Вы говорите, что Махарадж никогда не посещал других учителей, поскольку у него больше не было никаких сомнений. А говорил ли он что-нибудь о других учителях, высказывал своё мнение о них?

Дэвид: Похоже, ему нравился Дж. Кришнамурти. По-видимому, много лет назад он видел Кришнамурти на улицах Бомбея. Не думаю, что Кришнамурти обратил на него внимание. С тех пор Махарадж всегда хорошо о нём отзывался и даже советовал людям посещать его. Однажды Махарадж устроил себе выходной и сказал, чтобы все шли слушать Кришнамурти вместо него. Думаю, это свидетельствует о том, что он высоко его ценил.

Самым скандально известным учителем конца 1970-х гг. был Ошо или Раджниш, как его тогда называли. Однажды я слышал, как Махарадж говорил, что он уважает состояние, в котором находится Раджниш, но не может понять наставлений, которые он даёт всем тем тысячам иностранцев, которые приезжают к нему в Индию. Несмотря на то, что за всё время моих посещений эта тема поднималась лишь пару раз, у меня возникло ощущение, что ему нравится учитель, но не нравится учение. Как только иностранные «саньясины» Раджниша появлялись в своих одеяниях у Махараджа, их сразу же ждали неприятности. Я видел, как очень многих из них он выгнал, а на некоторых начинал кричать ещё до их намерения переступить порог его комнаты.

Я слышал историю о том, что в Бомбее он также сталкивался с У. Г. Кришнамурти. Я расскажу вам версию, которую довелось услышать мне, а вы затем сами решите, как к этому отнестись. Историю мне рассказал один человек, проведший в 1970-х гг. долгое время рядом с У. Г.

Морис Фридман, по-видимому, знал У. Г. и также знал, что он и Махарадж никогда не встречались и, возможно, даже не слышали друг о друге. Фридман хотел проверить теорию о том, что один *джняни* способен распознать другого *джняни*, решив поместить их в одну комнату, где для вида находилось бы ещё несколько человек. Он организовал торжество и пригласил на него обоих. У. Г. провёл там довольно много времени, но Махарадж зашёл лишь на несколько минут и затем ушёл.

После того, как Махарадж ушёл, Морис подошёл к У. Г. и спросил его:

– Вы видели того пожилого человека, зашедшего сюда на несколько минут? Вы заметили что-нибудь особенное? Что *вы* увидели?

У. Г. ответил:

– Я видел человека, Морис, однако вот что важно: что увидели вы?

На следующий день Морис пришёл к Махараджу и задал вопрос:

– Вы видели того человека, которого я вчера приглашал?

Далее последовало краткое описание того, как выглядел У. Г. и где он стоял.

Затем Морис спросил:

– Что *вы* увидели?

Махарадж ответил:

– Я видел человека, Морис, однако вот что важно: что увидели вы?

Это забавная история и я пересказал вам её такой, какой я её слышал, но должен сказать, что то, что рассказывает У. Г. о своих встречах с известными учителями, иногда звучит для меня неправдоподобно. Я слышал и читал описания его встреч и с Раманой Махарши, и с Пападжи, и в обоих этих рассказах Бхагаван и Пападжи делают и говорят такие вещи, которые совершенно не соответствуют их характерам.

Когда Махарадж сказал Руди, что у него нет никакого интереса к посещениям других учителей, это были совершенно правдивые слова. Он отклонял все приглашения пойти и проверить других Гуру. Мулларпаттам, один из его переводчиков, в 1970-х гг. был в какой-то степени Гуру-летуном, он всегда докладывал Махараджу о новых учителях, однако ему никогда не удавалось убедить его пойти посмотреть на них. Так что, истории о встречах Махараджа с другими учителями не имеют под собой оснований. Пападжи тоже бывал у Махараджа, и однажды у них состоялась прекрасная встреча. В своей биографии он описывает своё впечатление только от одной встречи, однако в Бомбее я слышал от людей, что Пападжи часто приводил к Махараджу своих преданных. Он посещал многих учителей в 1970-х гг., часто в сопровождении иностранцев, приехавших в Индию впервые. Таким был его стиль показа достопримечательностей. При этом его иностранные преданные никогда не задавали вопросов, они просто тихо сидели и наблюдали за происходящим.

Гарриет: Каким было отношение Махараджа к Рамане Махарши и его учению? Вы когда-нибудь обсуждали с ним учение Бхагавана?

Дэвид: Он бесконечно уважал как духовный уровень Бхагавана, так и его учение. Однажды он сказал мне, что одним из нескольких сожалений в его

жизни было то, что он не встретился с ним лично. Он побывал в ашраме в начале 1960-х гг. с группой своих преданных из маратхи. В то время они совершали паломническое путешествие по Южной Индии, и Раманашрам был одним из мест, которые они должны были посетить.

С чувством уважения к учению Бхагавана он однажды сказал мне:

– Я согласен со всем, что говорил Рамана Махарши, за исключением этой идеи сердечного центра, находящегося в правой части грудной клетки. Лично у меня никогда не было такого переживания.

Мне приходилось обсуждать с ним многие аспекты учения Бхагавана, и его ответы весьма многое проясняли.

Однажды он спросил меня:

– Ты понял учение Раманы Махарши?

Поскольку я знал, что на самом деле он спрашивает, постиг ли я истинность этого учения на собственном опыте, я ответил:

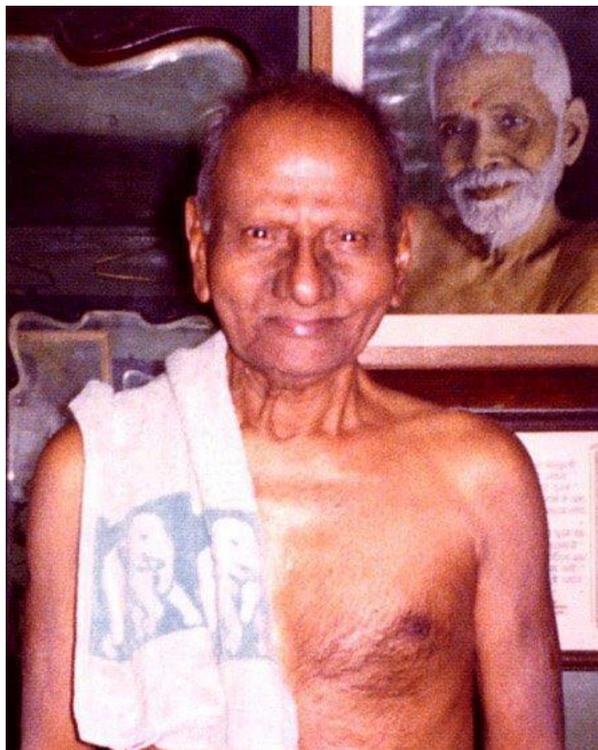
– Чем больше я слушаю Махараджа, тем лучше понимаю, что пытается мне сказать Бхагаван.

Я чувствовал, что это было правдой и на теоретическом, и на практическом уровне. Его разъяснения расширяли и углубляли моё интеллектуальное понимание учения Бхагавана, а его присутствие вызывало переживания проблесков истины, на которую это учение указывало.

Здесь я должен упомянуть о визите Ганешана. В. Ганешан приходится внучатым племянником Рамане Махарши, и в 1970-х гг. он де-факто был управляющим Раманашрама. В настоящее время обязанности управляющего исполняет его старший брат Сундарам. Впервые Ганешан пришёл к Махараджу в конце 1970-х гг. Как только он вошёл, Махарадж встал и начал собирать диванные подушки. На образовавшуюся грудку подушек он усадил Ганешана. Затем, к огромному изумлению присутствующих, Махарадж освободил пространство на полу и выполнил перед Ганешаном полное простираие.

Поднявшись, он сказал ему:

– У меня никогда не было возможности выполнить простираие перед вашим двоюродным дедом Раманой Махарши, и поэтому вместо него я простираюсь перед вами. Это моё простираие перед ним.

Нисаргадатта Махарадж рядом с портретом Бхагавана Шри Раманы Махарши

Гарриет: Много раз я читала о том, что Рамана Махарши предпочитал передавать учение в тишине. Я бы никогда не смогла сказать того же о Махарадже. Случалось ли людям когда-нибудь сидеть с ним в тишине?

Дэвид: На протяжении тех лет, когда я к нему приходил, была возможность медитировать в его комнате рано утром. Я не помню, как долго можно было это делать, но думаю, что часа полтора. Махарадж находился в комнате, занимаясь своими обычными утренними делами. Он мог возиться где-то рядом, выполняя разную работу, а мог появиться лишь в повязанном вокруг бёдер полотенце, если он собирался принять ванну; иногда он просто сидел и читал газету. У меня никогда не было ощущения, что он старается прикладывать сознательные усилия, чтобы учить в тишине, как это делал Рамана Махарши, просто глядя на людей и передавая особую форму милости. Однако он определённо видел состояние умов сидевших в его комнате посетителей и нередко выражал своё недовольство ими.

– Я знаю, кто здесь медитирует, а кто нет, – объявил он внезапно одним утром, – и мне известно, кто на самом деле устанавливает связь со своим бытием. В данный момент этим занят только один человек. Остальные из вас лишь попусту тратят время.

После этого он продолжил заниматься своими делами.

То, что многие люди приходили туда не ради медитации, было правдой. Они просто видели в этом возможность находиться рядом с ним в его доме.

Они могли сидеть со скрещенными ногами в его комнате, но вместо медитации большую часть времени они подглядывали за тем, чем он занимался.

Однажды он устал от такого шпионажа и взорвался:

– Люди, зачем вы загромождаете собой мой пол? Вы не медитируете, вы просто загораживаете дорогу! Если вам нужно пойти посидеть где-нибудь, то пойдите посидите час в туалете! По крайней мере, там вы будете заняты чем-то полезным.

Гарриет: А что можно сказать о том времени, когда он проводил беседы? В это время он когда-нибудь сидел в тишине?

Дэвид: В течение дня к нему можно было обращаться с вопросами во время двух сессий: первая проводилась поздним утром, а вторая – вечером. Переводчики присутствовали на обеих сессиях. Во время этих сессий он побуждал людей высказываться, или, по крайней мере, так было, когда я только начал к нему приходить. Позднее он использовал эти сессии для длинных лекций о природе сознания. Он никогда не сидел молча, если у посетителей не находилось, что сказать. Он активно подталкивал их к задаванию вопросов, но если с ним никто не заговаривал, он начинал говорить сам.

Мне лишь однажды выпала возможность посидеть с ним в полной тишине. Это произошло в начале влажных летних муссонов. Когда в Бомбее начинается период муссонов, что обычно бывает в конце первой недели июня, то идут очень сильные дожди, которые приводят город к полной остановке. Ливневые стоки, как правило, забиваются, и где-то один день люди ходят по колено в воде. И не только в воде. Канализационные сети переполняются, и животные, живущие в них, тонут. Тому, кто отваживается довериться вёслам, приходится пробираться через сточные воды, раскисший мусор и трупы всех недавно утонувших животных. Общественный транспорт останавливается, поскольку во многих местах уровень воды слишком высок, чтобы там можно было проехать.

В один из таких дней мы побрели по воде к Махараджу. Нас было двое, и мы остановились в дешёвых номерах, которые находились на расстоянии около 200 ярдов от его дома, так что идти было не слишком далеко. Мы смыли с себя грязь, воспользовавшись краном на первом этаже, и поднялись наверх в комнату Махараджа. Увидев нас, он очень удивился. Думаю, он полагал, что наводнение воспрепятствует приходу посетителей. На маратхи он сказал нам, что в этот день сессии проводиться не будут, поскольку некому будет переводить. Я решил, что он хочет, чтобы мы ушли, но мы оба притворились, будто не понимаем, что он пытается нам сказать. После ещё одной или двух безуспешных попыток заставить нас уйти, он сдался и сел в углу комнаты с газетой в руках, при этом держа её так, что она заслоняла его лицо, в результате чего мы даже не могли его видеть. Но меня это не тревожило. Я был счастлив одним только тем, что мог находиться с ним в одной комнате. Я более часа просидел с ним в абсолютной тишине, и это было одним из самых чудесных переживаний, которые мне приходилось когда-либо испытывать, находясь рядом с Махараджем. Я ощущал сошедшую на меня глубочайшую, буквально твёрдую, словно камень, тишину, с каждой минутой становившуюся всё глубже

и глубже. Был только свет сознания, который настолько меня заполнил, что думать было абсолютно невозможно. Вы никогда не поймёте, насколько чудовищной тяжестью является ум, пока не попробуете хоть какое-то короткое время жить без него – совершенно счастливо, в полной тишине и совершенно безуильно. Большую часть этого времени я смотрел в сторону Махараджа. Иногда он переворачивал страницу и бросал на нас быстрый взгляд, и, когда он это делал, то казался всё ещё раздражённым тем, что мы не ушли. Я внутренне улыбался его раздражённости, поскольку она меня несколько не задевала. Я не испытывал никакого смущения, никакого замешательства, никакого чувства, что я кому-то себя навязываю. Я просто удовлетворённо отдыхал в своём собственном бытии.

После часа с лишним, проведенного таким образом, он поднялся и выгнал нас. Я выполнил перед ним простирание и ушёл. Позднее я задавался вопросом, почему он не сидел в тишине чаще, учитывая ясность того факта, что, пребывая в безмолвии, он излучал очень мощную успокаивающую энергию. Рамана Махарши говорил, что речь нарушает течение тонкой энергии, которую он излучал. Мне всегда было любопытно, происходило ли то же с Махараджем.

Гарриет: И к какому же выводу вы пришли?

Дэвид: Я понял, что безмолвие просто не было свойством его природы. Его метод передачи учения предполагал наличие споров и разговоров. Лишь в такой обстановке он чувствовал себя наиболее комфортно.

Гарриет: Не могли бы вы немного подробнее остановиться на этом?

Дэвид: Здесь я должен оговориться, что то, о чём я буду рассказывать дальше, в основном отражает только мою точку зрения, основанную на наблюдениях за общением Махараджа с приходившими к нему людьми. Это не является тем, что я слышал от него самого.

Когда люди приходили к нему впервые, он просил их рассказать о себе. Он пытался выяснить, какой вид духовного пути они избрали, и что их привело к нему. Проходя через зондирующие вопросы Махараджа, посетители в итоге были вынуждены обосновывать своё мировоззрение и свои духовные практики. Это был один уровень взаимодействия. На более глубоком и более тонком уровне Махарадж излучал энергию, *шакти*, которая успокаивала ваш ум и заставляла вас сознавать то, что находится под поверхностью ума, всех его идей и концепций. А теперь представьте оба эти процесса происходящими одновременно. С помощью ума посетитель лишь конструировал и проговаривал версию своего мировоззрения. В глубине же себя он чувствовал притяжение своей собственной бытийности, знания того, что на самом деле является реальным, отличным от идей, которые он только принимал за реальные. При этом энергия Махараджа постоянно усиливала осознание этой основы. В какой-то момент посетитель начинал остро сознавать то, что казалось ему двумя соперничающими друг с другом реальностями: концептуальную структуру, которую он только что обрисовал, и реальное переживание, лежащее под ней. Когда такое случалось, на лицах некоторых

людей возникало специфическое выражение нерешительности, которое как бы отражало вопрос: «По какому же пути мне идти?» Иногда такой посетитель моментально осознавал, что все его представления и идеи являются просто концепциями. Тогда он их отбрасывал и погружался в своё собственное бытие. На мой взгляд, это было сутью учительской техники Махараджа. Он не старался убедить вас доводами. Вместо этого он заставлял вас самих исследовать те ваши убеждения, которые вы считали правильными, а затем сметал их, давая вам почувствовать вкус основы, лежащей под всеми вашими концепциями. Если вы были к этому готовы, вы оставляли привязанности к вашим концепциям и пребывали в том, что лежало под ними. Если нет, вы продолжали делать большую ошибку, углубляясь всё больше и больше в полное опасностей поле ума. Некоторые люди быстро ухватывали суть. Другие же, те, кто отчаянно цеплялись за структуры своего ума, возвращались снова и снова с вопросами, имевшими целью всего лишь усовершенствование интеллектуального понимания учения Махараджа.

Диалоги с посетителями и споры с ними были неотъемлемой частью его методики. Для того чтобы она работала эффективно, Махарадж требовал от посетителей рассказов о себе и своих мировоззрениях, поскольку ему нужно было, чтобы они увидели, что все их идеи являются лишь совершенно нереальными концепциями. Ему нужно было, чтобы люди посмотрели на свои концепции, поняли их бесполезность и отвергли их ради получения прямого опыта.

Следует также отметить, что он ограничивал типы вопросов, на которые у него было желание отвечать. Иногда он говорил новым людям:

– Меня не интересует, что вы слышали или читали. Меня не интересует информация из вторых рук, которую вы получили где-нибудь ещё. Меня интересует только ваш собственный опыт. Если у вас есть какие-нибудь вопросы об этом, вы можете их задать.

Впоследствии, после первого вашего диалога с ним, он мог ввести даже ещё более жёсткие ограничения:

– Мне не интересно отвечать на вопросы, которые предполагают существование отдельной личности, обитающей в теле. Я не принимаю реальности подобной сущности, поэтому для меня такие вопросы являются абсолютно гипотетическими.

И это второе ограничение было действительно убийственным для общения. Вы не могли теперь спросить: «Как мне достичь просветления?» или «Что мне следует делать?», потому что все подобные вопросы допускали существование «я», предположение, которое Махарадж всегда отвергал.

В моей памяти ещё очень живы воспоминания о Махарадже, слушающем переводчика, который объясняет ему на маратхи, что сказал кто-нибудь из посетителей. Как только он улавливал суть вопроса, его лицо становилось хмурым, он сжимал кулак, ударял им по полу и кричал: «*Калпана! Калпана!*», что значит: «Концепция! Концепция!» Иногда это могло стать единственным ответом, который получал посетитель. Махараджа определённо не интересовало муссирование чьих-либо концепций. Он хотел, чтобы люди отбрасывали их, а не обсуждали.

Когда это второе ограничение успешно отсекало большинство из тех вопросов, которые люди обычно любят задавать Гуру, Махарадж заполнял возникавший вакуум рассказами о природе сознания. День за днём он продолжал говорить на одну и ту же тему, часто используя одни и те же аналогии. Он объяснял, как сознание возникает, как оно проявляется и как уходит. Вспоминая об этом сегодня, я думаю, что он делал то же, что и древние индийские риши, когда они говорили своим ученикам: «Ты есть *Брахман*». Когда *джняни*, установившийся в *Брахмане* как *Брахман* говорит ученикам: «Ты есть *Брахман*», он не просто передаёт некую информацию. В этих словах содержатся сила и власть, присущие только *джняни*. Другие люди тоже могут бесконечно повторять: «Ты есть сознание», «Ты есть *Брахман*», но это станет просто информацией, которая будет храниться в вашем уме. Когда же это говорит вам *джняни*, тогда за этим утверждением стоит вся его власть и вся его мощь. Если вы примете эту информацию своим сердцем, своим сознанием, то вы сами переживёте это состояние. Если вы воспримете эту информацию только умом, она просто отложится в нём, как некое интересное сообщение.

Если в то время, когда Махарадж без конца говорил вам: «Вы есть сознание», вы принимали эту информацию в полной внутренней тишине, она активировала ваше осознание сознания до такой степени, что вы чувствовали: «Он не просто что-то мне говорит, он действительно описывает то, чем я являюсь прямо сейчас, в этот самый момент».

Гарриет: С вами случалось что-нибудь подобное этому?

Дэвид: Да, и я думаю, что именно это он подразумевал под «получением знания». Это не было интеллектуальным знанием того, о чём он говорил, и это не было также Само-реализацией. Это было состояние, в котором концепции временно исчезали, оставляя простое сознавание бытия, находящегося под ними. Пока такие состояния продолжались, они приносили большую пользу, давая вам уверенность в том и прямое переживание того, что есть нечто реальное и неизменное, нечто такое, что существует независимо от того, присутствует ум или нет.

Гарриет: Всё это очень интересно, но, как вы сами заметили, в основном это ваши личные предположения. А сам Махарадж когда-нибудь это подтверждал, он говорил, что это было тем, что он делал или пытался сделать для приходивших к нему людей?

Дэвид: Прямо не говорил. Он никогда не объяснял и не анализировал свои учительские приёмы, или, по крайней мере, не тогда, когда я там находился. Большинство из только что высказанных соображений являются результатом моего собственного опыта и моего толкования происходивших там при мне событий. Однако суть остаётся неоспоримой: люди приходили к Махараджу, у них происходил с ним разговор или завязывался спор, и в какой-то момент они отбрасывали все свои идеи, поскольку убеждались в том, что прямое переживание обесценивает все давно накопленные и лелеемые ими представления.

Позвольте мне рассказать вам об одном разговоре, который произошёл у меня с Махараджем, поскольку он хорошо и обстоятельно подтверждает то, что я только что пытался объяснить. Замечу сначала, что иногда я затевал спор с Махараджем только потому, что знал, что он любит, когда люди с ним спорят. Ему нравилось пикироваться в ходе обсуждений, и если никто не хотел высказаться или задать вопрос, то я брал инициативу на себя и начинал с ним дискуссию.

Я не могу точно вспомнить, что мы ещё обсуждали в тот день, но хорошо помню, что был момент, когда мы говорили около пяти минут, в течение которых я старался указать ему на одно противоречие, которое я якобы увидел в его учении. В свою очередь он старательно меня убеждал, что никакого противоречия там нет. Всё это происходило в очень добродушной атмосфере, и думаю, что он знал, что я дискутировал с ним, во-первых, потому что мы оба любили разговоры и споры на духовные темы, и, во-вторых, потому что ни у кого из остальных присутствовавших не было неотложных вопросов. Однако примерно через пять минут он решил прекратить эту дискуссию:

– Я не думаю, что ты действительно понял цель моих диалогов здесь. Я не рассказываю все эти вещи людям только ради того, чтобы убедить их, что всё это является правдой. Я говорю обо всём этом не для того, чтобы люди могли построить некую рационально обоснованную философию, свободную от противоречий. Когда я говорю все эти слова, я обращаюсь вовсе не к вашему уму. Я направляю их прямо в ваше сознание. Я высаживаю эти слова в вашем сознании. Если вы нарушаете процесс их приживания там, обсуждая их смысл, то им не удаётся пустить корни. Однако, как только мои слова приживутся в вашем сознании, они прорастут, вырастут и в должный момент принесут плоды. И это никак не зависит от вас. Всё это происходит само по себе. Однако если вы слишком много размышляете об этих словах или обсуждаете их значение, вы отодвигаете время их созревания.

Всё это было сказано с большой сердечностью. И при этом он был в тот момент очень и очень серьёзен.

Пристально посмотрев на меня, он очень строго сказал:

– Хватит разговоров. Молчи и дай словам делать их работу!

Конец разговора.

Я всегда вспоминаю этот разговор с радостью и оптимизмом. Я чувствую, что я был благословлён его присутствием и получил благословение на будущее теми словами истины, которые он во мне посадил. Думаю, что эти слова пребудут со мной всегда, и знаю, что в положенный момент они расцветут.

Нисаргадатта Махарадж

Гарриет: И вы подчинились его указаниям? Вы перестали думать о его учении?

Дэвид: До вашего сегодняшнего прихода я действительно много лет не думал о его учении. Я даже не читал многие из новых книг, содержащих диалоги с Махараджем. В одной из них есть тот ответ, который я упоминал несколько минут назад: «Чем больше я слушаю Махараджа, тем больше понимаю, что хочет мне сказать Бхагаван», но я лишь несколько лет назад узнал об этом.

Моя бывшая жена Васанта, читая однажды книгу, сказала:

– Это о ком-то из Раманашрама. Ты не знаешь, кто это?

Она прочла несколько строк, и я понял, что это был я.

Обычно я прочитывал книгу «Я есть То» от корки до корки примерно один раз в год, но теперь я совсем в неё не заглядываю. Только иногда, бывая в библиотеке Раманашрама, я беру её в руки и читаю вступительные слова двадцать третьей главы. Эти слова чудесно описывают состояние *джняни*, и я никогда не устаю их перечитывать. Кроме разве что этого, я редко теперь думаю об учении или читаю о нём.

Должен сказать, что моя голова в более чем достаточной степени наполнена другими концепциями, которые, словно гербициды, воздействуют на слова истины, посаженные во мне Махараджем. И всё же во мне живёт огромная вера в непреодолимую силу его слов. Рано или поздно они принесут свои плоды.

Гарриет: Рамаш Балсекар говорил: «Самым эффективным усилием является немедленное осознанное восприятие реальности». Некоторые люди понимают смысл этих слов таким образом, что если вы не получаете прямого переживания в течение того времени, когда Гуру (в данном случае Махарадж) говорит с вами, то вы не получите его никогда. Вы уверены в том, что в данном случае вы не занимаетесь самообманом?

Дэвид: В том, что вы говорите, есть определённый смысл. Если вы не позволяли своему интеллекту стоять на пути, когда говорил Махарадж, то его слова и сила, содержащаяся в них, делали свою работу. Когда он говорил, он не просил вас участвовать в этом процессе никоим образом. Как он мог просить вас что-либо делать, если он знал, что вы не существуете? Он не просил вас понять и не говорил: «Делай это и ты достигнешь просветления». Он вообще к вам не обращался. Он направлял свои слова непосредственно в ваше сознание в попытке заставить вас осознать, кем вы являетесь на самом деле. Однако если его слова не давали немедленного результата, он знал, что они могут принести пользу потом. Вспомните, что произошло с ним самим. Сиддхарамешвар сказал ему, что он есть *Брахман*. Нисаргадатта бился над этим три года, пока, наконец, не оставил сомнения и не познал истинность этого.

Слова *джняни* обладают особой силой, и эта сила не исчезает через пару секунд после того, как *джняни* эти слова произнёс. Эта сила продолжает оставаться действенной, продолжает свою работу.

Гарриет: Сам Махарадж подтверждал это?

Дэвид: Да. Я уже не помню, как возникла эта тема, но я слышал, как он сказал: «Слова просветлённых существ обладают силой, дающей им долгую жизнь. Великие святые прошлого проповедовали свои учения, и эти учения сохранились, благодаря присущей им силе и власти. Другие люди также могли говорить те же вещи и в те же времена, но их слова уже исчезли, поскольку они не обладали силой. Но слова *джняни* пережили века, потому что им присуща сила и власть Атмана».

Я пересказал этот ответ Пападжи, когда брал у него интервью несколько лет назад, и он со всей уверенностью его подтвердил.

Гарриет: Когда вы говорите, что эти слова «пережили века», вы имеете в виду, что они сохранились только в книгах, как памятные высказывания, или они всё ещё имеют силу, чтобы пробуждать людей, даже спустя столетия после того, как они были сказаны? Разве непосредственное присутствие учителя при этом не является необходимым?

Дэвид: Думаю, что мне следовало бы сказать, что живой Гуру в человеческом облике необходим для всех, кроме разве что тех людей, которые более всего созрели для реализации Атмана. Однако, в результате даже одной встречи с настоящим Гуру и нахождения рядом с ним, вы навсегда обретаете его

присутствие. Вы можете настроиться на его присутствие, его милость и силу любыми путями: глядя на его фотографию, думая о нём или читая его слова.

Гарриет: И снова я хочу уточнить: это ваше личное мнение или вы располагаете каким-либо подтверждением этого, полученным от Махараджа?

Дэвид: Я помню один разговор, состоявшийся у меня с Махараджем, когда я впервые пришёл к нему. Я не помню, с чего мы его начали, но кончился он тем, что мы заговорили о силе Гуру и всевозможных путях её проявления. Я находился под большим впечатлением от книги «Я есть То», был очень ею увлечён, и сказал об этом Махараджу.

Я: В течение нескольких месяцев я читал книгу «Я есть То». Через её слова я почувствовал очень сильную связь с вами и вашим учением. Можно ли осуществить связь с Гуру только через чтение его слов или необходимо прийти к нему лично?

Махарадж: Слова сделают свою работу в любом случае, услышите вы их или прочтёте. Вы можете либо прийти сюда лично, чтобы услышать их, либо вы можете прочесть их в книге. Если учитель просветлён, они будут нести в себе силу.

Я: В моём случае я прочёл слова живого Гуру, и эти слова заставили меня прийти сюда, чтобы увидеть вас. Возможно, ваши слова оказывают такое сильное воздействие, потому что вы живы. Я осуществил контакт с живым учителем, живым присутствием. А что можно сказать о гипотетическом случае с каким-нибудь другим человеком, который возьмёт в руки «Я есть То» через пятьдесят лет в стране, находящейся за несколько тысяч миль отсюда? Этот человек никогда не сможет вас увидеть. Будут ли эти слова всё ещё обладать преобразующей и пробуждающей силой?

Махарадж: Время и пространство существуют в вашем уме, но не в Атмане. Для силы Истинного Я не существует ограничений. Сила Атмана всегда присутствует, всегда работает, она неизменна. Меняется лишь готовность и устремлённость людей к сосредоточению внимания на нём. Если кто-нибудь прочтёт эту книгу, находясь в десяти тысячах миль отсюда даже через тысячу лет, эти слова сделают свою работу, если читающий их человек будет находиться в подходящем состоянии, чтобы их слушать и воспринимать.

Он не сказал на самом деле, что, благодаря чтению слов ушедшего из жизни Гуру, человек может стать просветлённым, но он ясно дал понять, что слова просветлённого существа, даже будучи написанными в книге, заряжены энергией, которая может быть воспринята будущими поколениями. Думаю, я поднял этот вопрос по причине моих отношений с Раманой Махарши. Этим «гипотетическим» человеком, который открыл для себя слова великого, но уже

оставившего этот мир Гуру, был я. Наверное, я действительно хотел узнать, могли Рамана Махарши быть Гуру для такого человека, как я, родившегося спустя годы после его смерти. Махарадж не ответил на мой вопрос, но он убедил меня в том, что в записях учения Гуру присутствует значительная доля его силы и могущества.

Через какое-то время я пришёл к выводу, что живой Гуру в человеческой форме действительно необходим подавляющему большинству людей, но в то же время я испытываю огромное уважение к силе, содержащейся в записанных словах Гуру.

Гарриет: Этот диалог был записан? Я думаю, что он может быть очень важным для многих таких людей, как я, открывших для себя Махараджа через много лет после его смерти.

Дэвид: Сомневаюсь. Это была очень спокойная дневная сессия, и нас присутствовало там лишь несколько человек. Впрочем, никакой организованной записи не велось никогда. Люди, у которых были магнитофоны, приносили их с собой и записывали с тех мест, где они сидели. Кроме того, даже такие записи делались лишь в течение последних двух лет, а когда я пришёл впервые, вряд ли вообще кто-нибудь это делал.

Гарриет: Вы говорите о «готовности» и «стремлении слушать» как о ключевых факторах. Говорил ли когда-нибудь Махарадж о том, почему лишь некоторые люди получают прямой опыт, в то время как большинство – нет?

Дэвид: Я действительно однажды говорил с ним об этом. Это произошло в один из моих последних визитов. Я тогда пришёл с моим другом, Кэри МакГроу, и мне стало известно, что тот день был днём его рождения. Когда он мне об этом сказал, мы сидели в кафе на Гранд Роуд в перерыве между окончанием *бхаджанов* и началом утренней сессии вопросов и ответов. Мы все должны были покинуть комнату Махараджа на полчаса или около того, пока она подметалась и убиралась. Большинство из нас шло выпить чаю или кофе на Гранд Роуд.

Я спросил Кэри, какой подарок он хотел бы получить, на что он ответил:

– Завяжи хороший спор с Махараджем. Мне нравилось слушать, как ты изводил его дискуссиями по его учению, но сейчас ты держишь свой рот на замке. Когда придёшь к нему, заведи его хорошенько на какую-нибудь тему. Это и будет твоим подарком для меня».

У меня на тот момент не было большого желания спрашивать Махараджа о чём бы то ни было, и мне определённо не хотелось пускаться в глубокую дискуссию. Думаю, что к тому времени Махарадж наконец усмирил мою предрасположенность к спорам, и меня весьма устраивало просто сидеть где-нибудь в задних рядах и слушать то, что хотели сказать другие.

Мы вернулись обратно, однако я не представлял, о чём бы я мог заговорить. После того, как все расселись по местам, Кэри толкнул меня локтём, и неожиданно я обнаружил, что уже говорю о том, почему одни люди достигают просветления, а другие нет.

– Рамана Махарши, – сказал я, – просветлел за несколько минут. Вы реализовали Атман через три года после момента встречи с вашим Гуру. Другие люди пытаются этого достичь на протяжении пяти десятков лет и не имеют успеха. Почему так происходит? Может быть, люди, безуспешно тратящие на это всю жизнь, делают что-то не так?

Большинство индуистских учителей отвечают на подобные вопросы, объясняя, что некоторые люди в большей или меньшей степени завершили свою работу в предыдущих рожденьях и поэтому в этой жизни смогли реализовать Атман очень быстро. Но это было не тем, что могло устроить Махараджа, поскольку он настойчиво отказывался принимать существование реинкарнации как таковой. Мне было немного странно это слышать, поскольку в тот период, когда я к нему приходил, на суперобложке книги «Я есть То» был представлен один из его диалогов, где он весьма обстоятельно объяснял, как происходит реинкарнация. Однако в то время, когда я его посещал, я ни разу не слышал, чтобы он хотя бы допустил существование реинкарнации, и часто он говорил, что её нет. Суть моего вопроса заключалась в следующем:

– Если идея реинкарнации отвергается, как это, по-видимому, происходит в вашем случае, то как людям, подобным Рамане Махарши, удаётся достичь просветления, не желая этого, не прикладывая никаких усилий и не выполняя никакой практики, в то время, как все остальные десятилетиями борются за это и терпят неудачу?

– Это химия, – ответил Махарадж. – Одни люди рождаются с чистой химией, а другие – нет. Те, чья химия чиста, становятся просветлёнными, те же, кто имеет загрязнённую химию, просветления не достигают.

Понятие «химии» было одной из своеобразных аналогий или метафор, которые использовал Махарадж. Думаю, эта аналогия возникла от сравнения с химическим составом, которым покрывается киноплёнка. Махарадж утверждал, что все мы получаем свою «химию» в момент зачатия, и в данном рожденьи она является нашей судьбой. В определённом смысле, это как фильм, некий сценарий, который выдаётся нам на текущую жизнь. Традиционный индуизм учит, что у нас есть *прарабдха*-карма, неизменяемая судьба данного рожденья, которая является неизбежным результатом тех действий, которые мы совершали в прошлых жизнях. Махарадж не включал действия прошлых жизней в свою «химическую» теорию, а предлагал свой альтернативный набор факторов.

Я уже не помню, во время ли этого разговора, или в какой-то другой день, но я спросил его о составе этой «химии». Он ответил, что он представляет собой широкую комбинацию разнообразных факторов, таких как: родительские гены, астрологическая конфигурация в момент зачатия, окружение, в котором будет расти ребёнок, – это только некоторые из тех, которые он назвал. Все эти факторы в определённый момент объединяются и образуют тело, или, правильнее сказать, эмбрион, с установленной для него судьбой.

– В этом слишком много предопределённости, – сказал я. – Если только чистота химии определяет, достигнем мы просветления или нет, то почему мы вообще должны об этом беспокоиться? Каков тогда смысл в попытках или их отсутствии, в желании или нежелании, если чистота химии уже заранее решила за нас этот вопрос? Тогда мы все можем просто идти домой.

На это Махарадж ответил так:

– Нет, это не является чем-то заранее абсолютно определенным. Преобладающее большинство людей рождается с грязной химией. Ничего из того, что эти люди делают или не делают, не будет иметь никакого значения. Просветление не для них, и большинство из них даже никогда не задумывается о подобных вещах. На противоположном конце спектра находится крайне малое количество очень чистых существ, которые приходят к осознанию своей истинной природы совершенно без какого-либо стремления или намерения.

Он этого не сказал, но я думаю, что он отнёс бы к этой категории и Раману Махарши.

– Между этими двумя крайними полюсами, – продолжал Махарадж, – находится небольшое количество людей, чья химия загрязнена лишь в незначительной степени. У этих людей есть шанс стать просветлёнными. Если им удастся встретить Гуру, который сможет показать им истину, и если их искренность и серьёзность будут достаточно велики, они смогут очистить свою не слишком загрязнённую химию и узнать, кем они являются на самом деле. Вот поэтому-то мы все здесь сегодня и находимся. Люди, приходящие к учителю с сильной жаждой свободы являются теми, у кого есть лишь немного нечистых примесей. Это те люди, для которых освобождение возможно.

Гарриет: Считал ли он, таким образом, людей, приходивших к нему, духовно продвинутыми? Там ведь наверняка находились люди всевозможных сортов. Не могли же все из них быть кандидатами на освобождение.

Дэвид: Да, состав его аудитории представлял собой весьма эклектическую смесь, состоявшую как из просто любопытствующих ищущих, так и из людей, проделавших путь длиной в половину земного шара из-за отчаянного стремления к освобождению и в надежде, что Махарадж сможет им помочь. Иногда мне приходилось сидеть рядом с врачом-гомеопатом, жившим через несколько улиц от дома Махараджа. У него не было никакого интереса к освобождению, и он рассматривал Махараджа просто как источник развлечения.

– Это лучшее шоу в округе, – сказал он мне однажды. – Я прихожу сюда только потому, что мне нравится наблюдать, как Махарадж общается со своими посетителями. Я не верю ни одному слову из того, что он говорит, но представления он устраивает превосходные.

Этот человек как-то случайно мне поведал, что речь Махараджа, говорившего на маратхи, иногда бывала очень грубой и вульгарной. Он сказал, что переводчики, все из которых были порядочными индусами, принадлежавшими к среднему классу, иногда попадали в слишком сложные ситуации, когда должны были озвучивать сказанное Махараджем без смущения и со всей полнотой его вульгарности. В конце сессий он на улице отзывал меня в сторону и получал огромное наслаждение, рассказывая обо всех тех разнообразных сексуальных шутках и двусмысленностях, которые не доходили до нас, поскольку переводчики их опускали. Думаю, что развлечение доктора включало в себя также наблюдение за тем, как его соседи начинали испытывать неловкость, слушая наиболее непристойные высказывания Махараджа.

В какой-то мере Махарадж сам определял, какие именно люди могли приходить и оставаться с ним, устанавливая перечень тем, которые он хотел и которые не хотел обсуждать. У него не было интереса к тому, что он называл «детсадовскими уроками». Имелось в виду, что обычно он отказывался говорить о многих догматах традиционного индуизма: о ритуальном богослужении, карме и реинкарнации, о распространённых практиках, таких как *джана* и тому подобном. Многие из присутствовавших у него иностранцев приехали после того, как прочли книгу «Я есть То». Они хотели говорить об освобождении, а не о традиционных индийских практиках и обрядах, и Махарадж был рад им помочь. Люди, желавшие обсуждать другие вопросы, вскоре уходили, чтобы найти какое-нибудь более подходящее место, где бы они могли удовлетворить свои интересы. Были, однако, и такие люди, которые изначально приходили с традиционными идеями и представлениями, а в итоге попадали под воздействие обаяния Махараджа и его радикального учения, хотя, думаю, что таких было меньшинство.

Я помню, как однажды Мулларпаттам рассказал нам следующее:

– Когда я впервые пришёл сюда, я был традиционным *бхактой* Рамы. Я считал, что если у меня будут видения Рамы, то это даст мне гарантию, что после своей смерти я смогу воссоединиться с ним в Вайкунте (небесном царстве Рамы). В первый же день моего прихода Махарадж сказал мне, что Вайкунты не существует. Меня очень шокировало, что Гуру может такое говорить, но я почувствовал притяжение к нему и остался. За короткое время я отказался от всех своих идей о богах и их небесах.

Некоторые другие люди из числа местных жителей тоже считали бескомпромиссное учение Махараджа об освобождении очень интересным, однако на протяжении того времени, когда я приходил туда, на утренних сессиях количество иностранцев обычно раза в три превышало количество местных жителей. Возможно, причиной этого было то, что многие преданные из Бомбея должны были ходить на работу, но всё же даже по выходным и праздникам иностранцев всегда было больше, чем индусов.

По вечерам проводились отдельные сессии на маратхи. Нас никогда на них не приглашали, поскольку там было слишком тесно, чтобы вместить всех желающих, поэтому я не знаю, что происходило на этих сессиях.

Гарриет: Было ли у вас чувство, что его отношение к иностранцам отличается от отношения к представителям местного населения?

Дэвид: Я бы просто сказал, что у нас были другие подходы, другая культура и в целом другие устремления. Когда мы обращались к Махараджу, его ответы отражали эти отличия.

Однажды утром пришла одна новая индийская пара и задала Махараджу ряд вопросов на английском о том, как вести непривязанную духовную жизнь, если они окружены семьёй и имеют служебные обязанности. В Индии подобные вопросы относятся к числу стандартных, и каждый, кто занимается духовным учительством, должен знать стандартные ответы на них. Махарадж отнёсся к этим людям очень вежливо и уважительно и проговорил с ними около пятнадцати минут. Затем он попросил их уйти. Это было немного необычным,

поскольку, закончив разговор с Махараджем, человек, задавший вопрос, как правило, возвращался на своё место и слушал, что хотели сказать другие люди.

В данном же случае Махарадж проводил эту пару взглядом, пока она не скрылась из виду, спускаясь по лестнице, после чего, выждав ещё около десяти секунд, разразился довольным хохотом.

Хлопнув себя по бедру, он сказал:

– Вот какие скучные разговоры приходилось мне вести, пока не приехали все вы, иностранцы.

Думаю, что ему доставляло удовольствие говорить с людьми, которые приходили не для того, чтобы обсуждать все свои семейные и служебные проблемы. Кроме того, он знал, что с иностранцами он мог быть более раскрепощённым и свободным в выражениях, что ему особенно нравилось.

Гарриет: Не могли бы вы привести пример?

Дэвид: Однажды утром он посмотрел вокруг и увидел, что, за исключением переводчика, в комнате не было больше никого из местных людей.

На его лице возникло озорное выражение, и он сказал:

– Для человеческой жизни абсолютно необходимы три вещи: пища, кислород и секс.

Мы все оживились. Сказанное отличалось от обычных лекций о сознании. Мы стали ждать, когда он продолжит, разовьёт тему и даст более подробные объяснения, но он отказался это делать.

Вместо этого он сказал:

– Ну же! Кто-нибудь, оспорьте это утверждение. Ведь оно очень спорное. Пусть же кто-нибудь не согласится со мной.

Это выглядело так, будто он хотел разжечь спор, но только не было ясно, о чём.

И поскольку никто не выразил желания оспорить его высказывание, на выручку решил прийти я, взяв на себя роль «козла отпущения».

– Если несколько минут вы не будете дышать, вы умрёте, – начал я. – Если несколько недель вы не будете есть, вы умрёте. Но я никогда не слышал о человеке, умершем от отсутствия половой жизни. На каком основании вы утверждаете, что секс является обязательным для человеческого существования?

Махарадж отказался давать объяснения. Вместо этого он снова повторил:

– Три вещи являются абсолютно необходимыми для человеческой жизни: пища, кислород и секс.

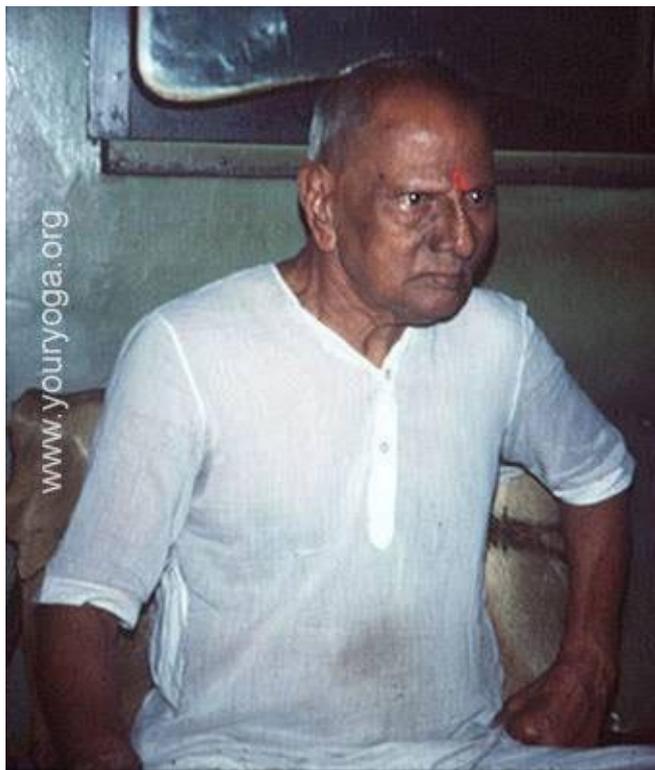
Я не мог понять, то ли он сам хотел начать обсуждение этой темы, то ли он хотел, чтобы её развил я.

– Вы хотите сказать, что все мы должны вести половую жизнь, потому что в противном случае мы умрём?

Я пытался заставить его открыть причину того, почему он неожиданно поднял эту тему.

– Нет, – сказал Махарадж, – я совсем не об этом говорю. Я просто говорю: три вещи являются абсолютно необходимыми для человеческой жизни: пища, кислород и секс.

Я сделал ещё пару попыток подойти к вопросу иначе, но они ни к чему не привели, и было похоже, что больше никто из находившихся в комнате не имел желания прийти мне на помощь, присоединившись к моим стараниям. А Махарадж всё продолжал повторять своё оригинальное утверждение. Но услышав через несколько минут шаги на лестнице, он немедленно заговорил о сознании, и ко времени появления в комнате новых посетителей – группы местных жителей – он уже достаточно углубился в свои стандартные объяснения. Он явно чувствовал бы себя неудобно, если бы ему пришлось обсуждать секс в присутствии своих преданных из маратхи. Я так никогда и не узнал, каков был смысл его утверждения, поскольку он больше никогда не затрагивал этот вопрос.

Нисаргадатта Махарадж

Гарриет: После сказанного вами у меня возникло ощущение, что Махарадж испытывал большое уважение к иностранцам, приехавшим потому, что они искали истину о самих себе, а не временное успокаивающее средство, какую-нибудь практику или веру, которая помогла бы им оставаться счастливыми в течение какого-то ограниченного периода времени.

Дэвид: В каком-то смысле, да. Я действительно слышал от него пару раз, что он уважает тот факт, что все мы оставили нашу жизнь на Западе, чтобы приехать в Индию в поиске освобождения, но это не означало, что на практике он обращался с нами уважительно. На всех из нас в разных ситуациях он кричал, и все мы прошли через периодическое изгнание из комнаты за что-нибудь сказанное или сделанное нами. Все мы его немного побаивались, поскольку

никогда не знали, когда у него случится очередная вспышка раздражения. Мы приходили для того, чтобы из нас выбили грязь, так же, как дхоби стирают одежду, ударяя её о камни. Махарадж сокрушал наши эго, наши умы и наши концепции, ударяя ими о нерушимую скалу Атмана, поскольку знал, что в большинстве случаев для нас это является единственной действенной помощью.

Несколько минут назад я говорил, что Махарадж отвергал все теории о реинкарнации, но однажды он всё же рассказал одну историю, которая, возможно, даёт право предположить, что все мы когда-то уже искали Бога в Индии.

– В конце *Рамаяны*, – сказал он, – все животные, помогавшие Раме победить в войне, получили вознаграждение. Всем обезьянам было предложено отправиться в обезьяний рай. А что такое обезьяний рай? Огромное количество еды, непрерывные драки и неограниченный секс. Таким образом, все обезьяны получили рождение в человеческой форме на Западе в двадцатом веке, чтобы прочувствовать на собственном опыте свою идею о «рае». Однако через какое-то время всем им стала приедаться эта чрезмерность. Одна за другой они стали возвращаться в Индию, чтобы найти Раму и снова быть рядом с ним.

Гарриет: А за что он кричал на вас?

Дэвид: Я помню, как однажды я пытался поговорить с ним об усилении. Думаю, что я рассказывал ему о разных усилиях, которые я совершал, чтобы реализовать Атман. Это было вскоре после того, как я только начал к нему приходить. На тот момент я ещё не понял, что в этой комнате на слово «усилие» наложено табу. Махараджу действительно не нравилось, когда кто-нибудь его произносил. Идея того, что существует личность, делающая что-то для достижения некоего духовного состояния, была ему абсолютно ненавистна. По-видимому, он чувствовал, что это говорит о полном непонимании его учения.

Не чувствуя, что у него уже возникло раздражение из-за использования мною этого слова, я продолжал растекаться мыслью по древу, наивно полагая, что он, вероятно, просто не понимает, что я пытаюсь сказать. Чем больше я старался описать свои усилия и дать им обоснование, тем сильнее он раздражался. Закончилось тем, что я получил нагоняй за моё ошибочное понимание и ошибочные подходы. Меня это весьма ошеломило. До сих пор мне не встречался учитель, который бы с таким пренебрежением относился к тяжёлой работе и приложению усилий на духовном пути. Напротив, все остальные учителя, которых мне довелось до этого встретить, охотно поддерживали подобную активность. Именно поэтому я изначально считал, что здесь имеет место какое-то недоразумение. Только позднее я понял, что, когда Махарадж говорил, он не давал указаний, которые следует выполнять. Он просто говорил вам, кем и чем вы являетесь. От вас ожидалось, что вы поймёте и переживёте то, о чём он говорил, а не превратите это в практику. Практика этого лишь подтверждала, что на самом деле вы не поняли, о чём он говорил. Одним из вопросов, которые всегда действовали ему на нервы, был такой: «Да, Махарадж, интеллектуально мне понятно, о чём вы говорите, но что мне нужно

сделать, чтобы пережить это на опыте?» Если вы такое говорили, это значило, что вы совершенно не поняли ни его, ни того, что он пытался сделать.

У меня есть ещё одно неприятное воспоминание о другом случае, когда он на меня разозлился. В какой-то день моё внимание было рассеянным, а ум увлечён грандиозными фантазиями эго. Я погрузился в свой собственный маленький мирок, не придавая значения тому, что происходило вокруг. На середине предложения Махарадж прекратил изложение своего ответа одному из посетителей, повернулся ко мне и стал на меня кричать, требуя отчёта, слушал ли я его и понимал ли, о чём он говорит. Я выполнил малое простирание в качестве извинения и вернул своё внимание к тому, что он говорил. Позже несколько человек интересовалось у меня, почему он внезапно так неистово на меня напустился, ведь все они видели, что я просто сидел, думая о своём. Но я определённо этого заслужил. Глядя назад, я могу сказать, что это только увеличило как мою внимательность, так и веру в Махараджа. Когда вы понимаете, что сидящий перед вами учитель постоянно наблюдает за всеми вашими мыслями и чувствами, то это заставляет вас хорошенько очищать вашу мыслительную деятельность.

Ещё был случай, когда Махарадж рассердился на меня только потому, что один из переводчиков не понял, о чём я спросил. Я сказал, что накануне Махарадж сказал одно, а этим утром он говорит нечто такое, что можно назвать прямо противоположным сказанному вчера. Переводчик почему-то решил, что я критикую качество вчерашнего перевода и передал это Махараджу. Махарадж из-за этого очень на меня рассердился, но тогда я совсем не почувствовал себя задетым, поскольку сразу же понял, что его реакция была просто следствием недоразумения. Кто-то, в конце концов, объяснил переводчику, что я на самом деле имел в виду, и тот принёс свои извинения за все волнения, к которым привели его комментарии.

Гарриет: Все ли переводчики были хорошими? Мне говорили, что некоторые из них были лучше, чем остальные.

Дэвид: Да, были и хорошие и не очень хорошие. Думаю, что все знали, кто из них хороший, а кто нет, но это не означало, что именно хороших переводчиков просили переводить, если они присутствовали. Похоже было, что в этой работе существовали определённые приоритеты. Тех переводчиков, которые ходили к Махараджу дольше всех, приглашали в первую очередь, невзирая на уровень их способностей, а те, которые могли выполнять эту работу лучше, должны были ждать момента, когда будут отсутствовать главные переводчики. Когда я пришёл впервые, утренние переводы преимущественно делал человек по имени Сапре. Даже несмотря на то, что большинство из нас совершенно не знало мараathi, мы чувствовали, что, судя по тому, как долго он говорил, многое он просто добавлял от себя. Несколько человек жаловалось на это Махараджу, но он всегда поддерживал Сапре и обычно сердился на тех, кто был им недоволен. Это и было причиной его резкого выпада, о котором я только что рассказывал: Махарадж решил, что я тоже выражаю недовольство переводом Сапре.

Вторым по значимости в сложившейся иерархии был Мулларпаттам. Мне он нравился своей буквальностью. Возможно, он не был таким же беглым, как

другие, но он завоевал моё уважение тем, что он строго придерживался текстов, произносимых каждой из сторон. Однажды я задал Махараджу вопрос через него, и, когда получил ответ, оказалось, что он был совершенно бессмысленным. При этом Мулларпаттам так лучезарно улыбался, как будто он только что донёс до меня некую неподражаемую жемчужину мудрости.

Я подумал над сказанным ещё какое-то время, но смысла снова не обнаружил и поэтому сказал несколько извиняющимся тоном:

– Я ничего не понял из этого ответа. Я не вижу в нём никакого смысла.

– Я знаю, – последовал ответ Мулларпаттама, – я тоже нахожу его бессмысленным. Но это то, что сказал Махарадж, я просто перевёл.

Почувствовав некоторое облегчение, я попросил его сказать Махараджу, что никто из нас не понял того, что он сказал, и что было бы хорошо, если бы он объяснил этот вопрос немного иначе. После этого разговор наладился.

Я действительно уважал Мулларпаттама за это качество. Он не пытался вкладывать в ответы какой-нибудь смысл, и он не говорил Махараджу, что его ответы не имеют смысла. Он сделал для меня дословный перевод сказанного только потому, что Махарадж хотел, чтобы я услышал именно эти слова.

Самую нижнюю ступень в иерархии переводчиков занимал Рамеш Балсекар – он начал ходить к Махараджу в 1978 году. Мне было жаль, что так сложилось, поскольку, и по моему мнению, и по мнению многих других приходивших туда иностранцев, он был самым умелым переводчиком. У него было хорошее понимание того, как работают и выражают себя умы иностранцев, и он обладал достаточным интеллектом и памятью, чтобы при необходимости запомнить и затем перевести пятиминутный хаотичный монолог посетителя. То, что он был лучшим, было настолько очевидным, что многие из нас намеренно ожидали, когда придёт его очередь переводить. Этим и объяснялись возникавшие иногда долгие периоды неловкой тишины во время работы других переводчиков. Все ждали их отсутствия, чтобы перевод мог делать Балсекар.

У каждого переводчика был свой особый стиль и свои характерные выражения. Когда в 1980-х гг. я читал книги Джин Данн, я как будто снова переносился в комнату Махараджа, так как мне казалось, что я буквально слышу эти слова, а не просто читаю их. Я просматривал пару предложений и узнавал стиль Мулларпаттама или кого-нибудь другого, кто тогда переводил, и далее я уже слышал звучание этих слов в своей голове, как будто они прямо в тот момент произносились устами знакомых переводчиков.

Гарриет: Значит всё, что содержится в этих книгах, является просто транскрипцией того, что сказал в тот или иной день работавший тогда переводчик? Это не является переводом оригинального текста на маратхи?

Дэвид: Я ничего не могу сказать о других книгах, я лишь знаю, как это было у Джин Данн. Я провёл пару недель, бывая днём в её квартире, которая находилась рядом с Чоупатти Бич. В тогдашний приезд моё собственное жильё находилось очень далеко, так что я там только ночевал. В те дни Джин переносила на бумагу магнитофонные записи бесед для книги «Семена сознания», и иногда она просила меня помочь ей понять некоторые неясные

слова из звуковой записи или спрашивала моего мнения относительно того, стоит ли включать в книгу какой-нибудь определённый диалог. Наблюдая её работу, а позднее читая её книги, я понял, что она работала только со словами переводчиков.

Гарриет: Она спрашивала Махараджа, можно ли ей заниматься этой работой? Как случилось, что она за это взялась?

Дэвид: Насколько я помню, всё обстояло иначе. Это он попросил её заняться написанием книг, что в свою очередь вызвало возмущение некоторых преданных из маратхи, которые считали, что право распоряжаться наследием Махараджа принадлежит только им. Существовала некая организация, Кендра, основанная в его честь и занимавшаяся популяризацией его самого и его учения, и определённые члены этой организации были обижены таким пренебрежением. Один из них пришёл на одну из утренних сессий и прямо заявил Махараджу, что он (т.е. пришедший) имеет исключительное право на публикации бесед Махараджа, поскольку в Кендре он за это отвечает. Я тогда подумал, что эта позиция была просто абсурдной, поскольку раз уж вы создаёте организацию с целью распространения учения вашего Гуру, и ваш Гуру указывает на того, кто должен написать книгу о его учении, то ваша организация должна стараться помогать, а не создавать препятствия для будущей публикации. Махарадж видел это так же.

Со своей обычной прямоотой он отрезал:

– Я решаю, кто будет публиковать моё учение, а не вы. Это вас вообще не касается. Я выбрал эту женщину для этой работы, и у вас нет никакого права отменять моё решение.

Тот человек ушёл, и я больше никогда его не видел.

Гарриет: А вас самого разве никогда не привлекала возможность написать о Махарадже? Ведь вы, похоже, написали обо всех учителях, с которыми вам довелось общаться.

Дэвид: Однажды, ещё во время моих самых первых приходов к Махараджу, он спросил меня, какую работу я выполняю в Раманашраме. Я сказал, что веду библиотеку, а также пишу рецензии на книги для издающегося в ашраме журнала.

Он строго на меня посмотрел и спросил:

– Почему ты не пишешь об учении?

Я помню, что в тот момент меня это несколько удивило, так как к тому времени я ещё ни слова не написал ни о Рамане Махарши, ни о каком-либо другом учителе, более того, у меня вообще никогда не было интереса или влечения к подобной работе. Махарадж был первым, кто мне сказал, что я должен делать со своей жизнью.

Что же касается книги о Махарадже, то сама возможность этого как-то никогда не возникала. В те годы, когда я к нему приходил, я не писал вообще, а в 1980-х и 1990-х гг. у меня была масса других проектов и тем, отнимавших всё моё время.

Гарриет: Вы знаете много хороших историй, которые вы могли бы опубликовать, и, кроме этого, вы могли бы также поделиться вашей интересной трактовкой того, как Махарадж работал с людьми. Я нахожу то, что вы рассказываете, очень интересным, и думаю, что так же отнеслись бы к этому и другие люди, если бы вы взяли на себя труд обо всём этом написать.

Дэвид: Да, пока я сегодня об этом рассказывал, какая-то часть меня говорила: «Ты должен это записать». Чем дольше я говорю с вами, тем явственней растёт это чувство. После вашего ухода, я, возможно, этим займусь и посмотрю, что мне ещё удастся вспомнить.

Гарриет: Думаю, что нам следовало бы поговорить обо всём этом значительно раньше. Но как вы вообще узнали о Махарадже, и чем он изначально вас привлёк?

Дэвид: Как-то раз в 1977 году я дал своему другу Мюррею Фелдману прочесть книгу «Преодоление духовного материализма» Чогьяма Трунгпы, сказав, что она должна ему понравиться. Я знал, что когда-то он интересовался буддизмом и выполнял какие-то тибетские практики, и поэтому надеялся, что чтение этой книги доставит ему удовольствие. Он ответил любезностью в свою очередь, дав мне экземпляр книги «Я есть То» и выразив уверенность в том, что она мне тоже понравится. Сам Мюррей знал Махараджа уже много лет и даже приходил к нему в те времена, когда у него постоянно бывал Морис Фридман. Помню, как ярко Мюррей описывал встречи Махараджа с Морисом: два пожилых человека ведут невероятно бурные дискуссии, в ходе которых они так распекаются и приходят в такое возбуждение, что доходит до споров нос к носу, сопровождаемых непрерывными возгласами и размахиванием руками. Он совершенно не понимал, что они обсуждали, но зато хорошо чувствовал, с какой страстью они этому отдавались. Была ещё одна особенность: приходя к Махараджу в те времена, вы зачастую могли оказаться единственным посетителем. Вам предлагались чашка чая и очень серьёзный разговор с глазу на глаз без каких-либо свидетелей.

А уже несколькими годами позднее я слышал, как Махарадж говорил: «У меня была такая спокойная жизнь, но “Я есть То” превратила мой дом в железнодорожную платформу».

Но вернёмся к истории. Я отложил книгу, даже не начав читать: я лишь бегло её просмотрел и почувствовал, что у меня возникло неприятие многих вещей, о которых говорил Махарадж. В то время я жил в Раманашраме и практиковал учение Бхагавана. В книге имелись явные сходства между тем, что говорил Махарадж и тем, чему учил Бхагаван, но я продолжал спотыкаться о расхождения, например, такие, как утверждение, что «я есть» не является конечной реальностью. И всё же эта книга медленно во мне оживала, пока, наконец, я не был ею пойман. Глядя на это сейчас, я думаю, что мог бы сказать, что внутренняя сила этих слов каким-то образом поборолла моё интеллектуальное сопротивление некоторым идеям.

Я возвращался к этой книге снова и снова. Казалось, она притягивает меня к себе, но когда я брал её в руки, оказывалось, что за один раз я могу прочесть лишь несколько страниц, не более. И это не потому, что она была скучной, и не потому, что я был не согласен с тем, о чём в ней говорилось. Скорее, это было чувство полного насыщения, возникавшее после прочтения даже нескольких абзацев. Тогда я откладывал книгу и позволял словам какое-то время укладываться во мне. Я не размышлял над ними, не пытался их понять или выяснить, насколько я с ними согласен. Слова просто находились во мне, на переднем плане моего сознания, требуя к себе серьёзного внимания.

Думаю, что изначально меня очаровали именно слова и учение, а не человек, от которого они исходили, поскольку я не помню, чтобы у меня в первые несколько недель после прочтения книги возникла настоятельная потребность увидеться с ним. Однако всё изменилось после того, как некоторые из моих друзей и знакомых стали ездить на встречи с ним в Бомбей – они все без исключения возвращались с восторженными отзывами. Но меня впечатляли не только их отчёты: некоторые из них возвращались совершенно преображёнными. Я помню американку по имени Пат, которая вернулась сияющей, лучащейся внутренним светом всего лишь после двухнедельного визита. Пападжи рассказывал историю об одной немецкой девушке, которая вернулась в Германию и была встречена своим другом в аэропорту. Её друг, который никогда не был знаком с Пападжи и никогда не был в Индии, выполнил полное простираие у её ног на полу аэропорта.

Он ей так потом это объяснял: «Я не смог себя сдержать. Очевидность твоего духовного преображения была настолько полной, что я просто обязан был это сделать».

Я знаю, что он чувствовал. Я никогда не выполнял простираий ни перед кем из тех, кто возвращался из Бомбея, но я видел признаки той радикальной трансформации, которой они подвергались. Но даже несмотря на это, прошло ещё несколько месяцев, прежде чем я решил поехать в Бомбей, чтобы самому увидеть, что там происходит.

Гарриет: Почему же так нескоро? Что заставляло вас медлить?

Дэвид: Вот только сейчас что-то всплывает на поверхность моей памяти, что-то такое, о чём я не вспоминал много лет. После того, как я прочёл «Я есть То» несколько раз, у меня появилась огромная вера в состояние и силу Махараджа. Я понял, что он был кем-то действительно стоящим. Я знал, что если я к нему приду, я приму любой его совет. Где-то в это же время я слышал рассказы о том, что двум иностранцам, которые приходили к нему, он посоветовал вернуться в их страны. Это меня немного встревожило. Я был очень привязан к Тируваннамалаю и определённо не хотел снова возвращаться на Запад. Что-то во мне знало, что, если Махарадж скажет мне вернуться в Англию, я это сделаю. Я не хотел покидать Индию, и это было тем, что в течение нескольких месяцев удерживало меня от поездки к нему.

И была ещё одна неразрешённая проблема: на тот момент я не был уверен в том, нужен ли мне живой Гуру. Политическим курсом Раманашрама всегда был тот, что Бхагаван может быть Гуру для всех, даже для тех людей, которые

не встречались с ним при его жизни. Мне кажется, я знал все места в книгах Раманашрама и в книге «Я есть То», где затрагивалась тема Гуру. Я довольно часто их перечитывал, однако так и не пришёл к какому-нибудь окончательному выводу относительно того, нужен мне живой Гуру или нет.

Гарриет: И что же в итоге помогло вам преодолеть ваше сопротивление поездке в Бомбей?

Дэвид: Одна австралийка, уже побывавшая там, предложила мне поехать с ней, и я согласился. Я всегда знал, что рано или поздно я туда поеду, мне просто нужен был толчок, чем и оказалось это приглашение. Я пытаюсь вспомнить, когда это было. Думаю, где-то в середине 1978 года, но точнее не скажу.

Гарриет: Каким было ваше первое впечатление? Что произошло, когда вы впервые приехали?

Дэвид: Помню, как я сидел в его комнате, ожидая, когда он туда поднимется. Я очень нервничал и был полон предчувствий, только не помню, почему. Припоминаю, что я попытался заговорить с сидящим рядом человеком, но тот попросил меня хранить тишину, чтобы он мог медитировать.

Пришёл Махарадж, и уже через несколько минут я обнаружил себя сидящим перед ним и рассказывающим ему о себе и о причинах, которые меня к нему привели. Это была дневная сессия, и людей было не много. Поскольку в тот день я был единственным новичком, он вызвал меня, чтобы узнать, кем я был и чего хотел.

Я объяснил ему, что я приехал из Раманашрама, где прожил два года, и что я довольно интенсивно практиковал учение Бхагавана. В тот период моей жизни я часто медитировал по восемь часов в день, хотя ко времени встречи с Махараджем это время стало понемногу сокращаться.

Наконец, Махарадж спросил меня, есть ли у меня какие-нибудь вопросы, на что я ответил: «Сейчас нет. Я хотел бы какое-то время просто сидеть и слушать вас».

Его это удовлетворило, и он позволил мне ретироваться в глубину комнаты. Должен сказать, что тогда я уже успел почувствовать царившие там силу и мир его присутствия. Это было чем-то явно ощутимым.

Гарриет: Вы приехали к нему с какими-то вопросами? Было ли что-то такое, о чём бы вам хотелось с ним поговорить?

Дэвид: На самом деле я не помню. Помню, что всё закончилось нашим разговором, но каких-либо горящих вопросов у меня не было.

Гарриет: Как долго вы собирались с духом перед тем, как начать с ним диалог?

Дэвид: Думаю, что это произошло в следующую дневную сессию. Я хочу сказать, что, должно быть, сначала я провёл там две полные сессии, просто слушая, что говорили другие люди и что говорил Махарадж.

Наконец, когда возникло очередное затишье, я спросил:

– Уже несколько лет я практикую само-исследование, пытаюсь удерживать внимание на внутреннем чувстве «я», но, независимо от того, насколько интенсивно я это делаю, я вижу, что моё внимание задерживается на «я» не более, чем на несколько секунд. Не похоже, чтобы происходило какое-то улучшение моей способности удерживать внимание на этом внутреннем чувстве «я». Должны ли периоды сознания «я» становиться всё продолжительнее и продолжительнее, прежде чем они станут более-менее постоянными?

– Нет, – ответил он, – достаточно только сильного желания найти это «я» и исследовать его. Не беспокойся о том, насколько хорошо и насколько долго ты за него держишься. Сильное желание увидеть это «я» будет постоянно возвращать тебя к нему, когда твоё внимание будет блуждать. Если что-нибудь является для тебя важным, оно постоянно появляется в твоём уме. Если знание «я» является для тебя важным, ты будешь возвращаться к нему снова и снова.

Думаю, после этого я говорил с ним почти каждый день в основном о различных аспектах его учения о сознании. Похоже было, что он сам побуждал меня к задаванию вопросов, а я в свою очередь всегда любил его расспрашивать. Однако точные детали вопросов и ответов, по-видимому, навсегда ускользнули сквозь прорехи моей памяти.

Нисаргадатта Махарадж

Гарриет: Все те разговоры, которые ведутся о Рамане Махарши, напомнили мне ещё об одном моменте, о котором я хотела вас спросить. Мы начали этот разговор с вопроса, почему о Махарадже не написано никаких воспоминаний, по крайней мере, книжного объёма. Несколько человек написали короткие рассказы, но полноценная книга о жизни рядом с ним мне не встречалась никогда. Многие книги о Рамане Махарши наполнены историями о чудесных событиях, происходивших вокруг него. Многие из его преданных делятся историями о том, как вера в Бхагавана изменила их жизнь или невероятным образом преобразила их судьбу. Я знаю, что сам Бхагаван не признавал своей ответственности за эти события, но это не лишало людей желания писать о них и считать их проявлениями милости Бхагавана.

Поэтому мой вопрос такой: случались ли подобные вещи вокруг Махараджа, и, если да, то почему никто так и не потрудился о них написать?

Дэвид: Мне не известно, насколько частыми были такие события, но я знаю, что они действительно происходили. И если подобные вещи случались и с другими людьми, то я не имею представления, почему те, кто знает об этих событиях, не хотят о них написать.

Позвольте мне восстановить равновесие в данной ситуации рассказом одной очень длинной и совершенно очаровательной истории.

Как-то раз в конце 1970-х гг. меня попросили взять с собой в Бомбей одну женщину из Южной Америки по имени Анна-Мария и позаботиться о ней, так как она ни слова не знала по-английски. Её родным языком был испанский, и я думаю, что сама она жила в Венесуэле, хотя, насколько я помню, у неё была какая-то другая национальность. Поскольку я в любом случае планировал поехать в Бомбей к Махараджу, я согласился её сопровождать и обеспечивать ей поддержку. И вот уже в самом начале нашей поездки – мы успели добраться только до Мадраса – я понял, что заботиться мне выпало о несколько не совсем полноценном человеке: Анна-Мария была совершенно неспособна себя обслужить и к тому же страдала невероятной рассеянностью. Ещё до того, как мы сели в бомбейский поезд, она умудрилась потерять все свои деньги вместе с паспортом. Тем же путём, которым мы пришли к поезду, мы пошли обратно, пока, наконец, он не привёл нас в книжный магазин, находившийся рядом со станцией. Нам чудом повезло, что продавец нашёл кошелёк и держал его при себе на случай, если мы за ним вернёмся.

Через несколько часов после отправления нашего поезда из Мадраса в Бомбей Анна-Мария пошла в туалет. В индийских поездах туалеты «корточные», то есть это просто дыра в полу с упорами для ног по двум её сторонам. Анна-Мария сидела там, делая что ей было нужно, и в это время поезд дёрнулся. Её очки слетели с неё и исчезли в дыре. Оказалось, что это были её единственные очки, и без них она была почти слепой. Я понял это позднее, после очередной остановки поезда на одной из станций: Анна-Мария продолжала стоять на платформе, в то время как поезд уже начал отправляться, – она даже не попыталась вернуться в вагон. Когда я понял, что происходит, я выпрыгнул на платформу и втолкнул её в начавший движение поезд. До этого я уже понял, что у неё возникли проблемы со способностью что-либо видеть, но я ещё не до конца осознавал, насколько плохи были дела, пока не обнаружил,

что она не в состоянии увидеть даже движущийся поезд, насчитывающий двадцать пять вагонов и находящийся всего в десяти футах от неё. Я понимал, что для меня делом первой важности, как только мы приедем в Бомбей, будет покупка новых очков для неё. Я вспомнил, что довольно близко от дома Махараджа находится магазин оптики, – я заметил его во время одной из моих предыдущих поездок, когда ждал автобуса до центра города.

На следующий день рано утром, как только этот магазин открылся, я привёл её туда, чтобы проверить её зрение и подобрать ей новые очки. Проверка зрения отняла много времени отчасти потому, что Анна-Мария не говорила по-английски, и частично из-за того, что оптик не мог разобраться с её показателями. Примерно через полчаса он вышел и сказал:

– Ей надо обратиться к специалистам из офтальмологической клиники. С помощью моего оборудования я не могу разобраться, что именно у неё с глазами. Очевидно, проблема серьёзная, но я не могу определить, какая именно. Отведите её в такую-то офтальмологическую клинику.

Каким бы ни было название этой клиники, я никогда о ней не слышал. Оптик стал объяснять, как туда добраться, но поскольку я не знал Бомбея, я ничего не мог запомнить. И тогда произошло первое в этот день «чудо». Первое из многих.

– Не волнуйтесь, – сказал оптик, – я вас туда отведу.

Он закрыл свой магазин – при этом у него не было помощников, чтобы поддерживать работу магазина в его отсутствие – и мы отправились в пеший поход по Бомбею. Наверное, нам пришлось пройти больше мили, прежде чем мы добрались до больницы. Оптик привёл нас в известное ему отделение глазной хирургии и объяснил врачам, что его приборы были недостаточно профессиональными, чтобы определить, какие именно у Анны-Марии проблемы с глазами. Затем он нас оставил и вернулся в свой магазин. За все годы, что я прожил в Индии, мне приходилось встречаться со многими проявлениями доброжелательности, но тот владелец магазина, закрывший его на два часа и отправившийся в двухмильный поход просто ради того, чтобы нам помочь, до сих пор вызывает у меня восхищение.

Глазами Анны-Марии занялся глазной хирург. Но даже на него произвела впечатление тяжесть их состояния. Он проверил их с помощью разного оборудования, но так же, как и оптик, не смог определить, что же ей назначить.

– Что случилось с этой женщиной? – спросил он. – Как её глаза дошли до такого состояния?

Я лишь пожал плечами:

– Не имею понятия. Я едва с ней знаком, и она совсем не говорит по-английски.

Мы пошли в другое отделение больницы, где, на мой неискушённый взгляд, находилось, по всей видимости, более сложное оборудование. И уже с помощью этого оборудования врачам, наконец, удалось найти возможность для Анны-Марии видеть текст. Весь этот сложный процесс в достаточной мере разжёл наше общее любопытство, и мы попытались с помощью языка жестов и тех нескольких английских слов, которые знала Анна-Мария, выяснить у неё, как могло случиться, что её глаза дошли до такого весьма своеобразного состояния. После нескольких неудачных попыток она, наконец, поняла, о чём

мы её спрашивали. Выяснилось, что когда-то, живя в Южной Америке, она выпала из окна какого-то здания и упала на лицо. Наблюдая её поведение и действия в течение двух последних дней, я находил подобное развитие событий вполне вероятным. Не думаю, что кроме неё мне ещё когда-нибудь встречались люди, которые бы настолько явно притягивали к себе несчастья.

При падении она повредила глаза и их пришлось зашивать в нескольких местах. В результате такого хирургического вмешательства на глазных яблоках образовались участки, имеющие весьма причудливую кривизну. Этим и объяснялась неспособность оптика понять, какое назначение было ей необходимо. Даже в крупной больнице специалисты потратили почти час на то, чтобы разобраться, что именно ей требовалось.

Мы с глазным хирургом завели разговор, в ходе которого выяснилось, что в Тируваннамалае у нас есть общий знакомый. И, кроме того, оказалось, что он знает многих преданных Бхагавана. В результате, как перед тем и наш оптик, он решил взять нас под своё крыло.

– Куда вы хотите пойти, чтобы заказать такие линзы? – спросил он.

– Наверное, к тому человеку, который привёл нас сюда, он был к нам очень отзывчив. Надеюсь на его доброту, я бы вернулся к нему и попросил его заняться решением этого вопроса.

– Нет-нет, – сказал хирург, – у него есть только этот маленький магазин. Он не сможет выполнить подобный заказ, поскольку этот заказ слишком сложный. Я отведу вас в самый большой магазин оптики в Бомбее.

Затем он тоже закрыл свой кабинет, и мы отправились в новый поход по Бомбею. Не успели мы переступить порог магазина, в который он нас вёл, как сразу же привлекли всеобщее внимание. Наш хирург явно был весьма уважаемой фигурой в сфере офтальмологии.

– Это мои друзья, – объявил он, указывая на нас. – У них заказ на сложные линзы. Пожалуйста, выполните его как можно скорее, поскольку без очков эта женщина ничего не видит. Она практически слепа.

Он передал нас менеджеру магазина и ушёл к себе в больницу. Пока менеджер читал назначение, с его лица не сходила широкая, лучезарная улыбка. Затем он положил листок на прилавок и обратился к нам очень извиняющимся тоном:

– Обычно мы храним запасные линзы на любой случай. У нас огромные обороты, поэтому мы можем себе позволить изготавливать и хранить такие линзы, на которые нет срочных покупателей. Рано или поздно их кто-нибудь купит, и люди ценят возможность сразу получить то, что им нужно, без ожидания, когда это будет изготовлено. Но данное назначение представляет собой настолько непредсказуемую комбинацию, что никому и в голову не придёт изготавливать и хранить такие линзы. Если бы я сам не увидел это назначение, я не смог бы и предположить, что у кого-то в мире есть глаза, которым соответствуют эти цифры. Нам необходимо будет сделать специальную заявку, на выполнение которой уйдёт много времени, поскольку шлифовальщики стекла сейчас бастуют. Но даже если бы они прямо сейчас приступили к работе, наверное, потребовалось бы ожидать несколько недель, пока дойдёт очередь до вашего заказа, поскольку их уже ждёт большое количество незавершённых заказов. Сожалею, но я не смогу вам помочь, и

больше никто в городе не сможет, поскольку это назначение слишком редкое, чтобы кто-нибудь хранил подобные линзы.

Выражение этого извинения заняло около пяти минут. Пока оно продолжалось, один из помощников, явно не знавший английского, взял листок с назначением и пошёл на склад проверить наличие указанного типа линз. Это было его работой: забирать назначения с магазинной стойки и находить соответствующие линзы на складе. Как раз когда менеджер произносил своё заключение, его помощник появился с двумя линзами, которые в точности соответствовали числам, указанным в назначении. Менеджер был совершенно ошарашен.

– Это невозможно, – лишь продолжал он повторять. – Никто бы не изготовил и не хранил такие линзы.

Наконец, он нашёл рациональное объяснение этому невозможному явлению, которое предполагало, что кто-то, должно быть, очень давно заказал такие линзы и забыл их забрать.

Поскольку мы были объявлены друзьями великого и знаменитого глазного хирурга, – хотя мы были с ним знакомы всего пару часов, – нам сделали приличную скидку, и уже примерно через полтора часа Анна-Мария вышла из магазина в том, что я бы с абсолютной уверенностью назвал единственной на планете Земля парой очков, сквозь линзы которых она действительно могла видеть мир. Чем же это было: чудом, или нам просто повезло с этим на удивление редкостным стечением обстоятельств?

«Я» решило выбрать оптика, который соглашается закрыть магазин и отвести нас к такому из городских глазных хирургов, который интересуется Раманой и который ведёт нас, наперекор моим намерениям, в единственный в Бомбее магазин, где для Анны-Марии находятся линзы. Я немного скептик по природе, но даже на мой придирчивый взгляд в этом ряду слишком много счастливых обстоятельств, чтобы всё это можно было назвать только случайностью.

Лично я верю в то, что, когда вы идёте к Гуру, сила этого Гуру берёт на себя заботу обо всех возможных материальных проблемах. Гуру не делает этого сознательно, просто он окружён аурой, которая обо всех этих проблемах заботится. Мы никогда не говорили Махараджу об очках Анны-Марии. Когда в то утро мы отправились за ними, я просто полагал, что с глазами у неё всё обстоит вполне нормально, и что часа через полтора или около того нам удастся купить очки, которые вернут ей способность видеть мир.

Однако на этом история не закончилась. Я предупредил вас, что она будет длинной. В течение примерно недели Анна-Мария бывала у Махараджа ежедневно, хотя, конечно же, не понимала ни слова из того, о чём там говорилось. Там не было никого испано-говорящего. И вот однажды утром она появилась с красными глазами. Я спросил её, что случилось.

– Я не спала всю ночь, – сказала она на очень ломаном английском, – я молилась о том, чтобы сегодня пришёл испанский переводчик. Я хочу кое-что сказать Махараджу, и мне для этого нужен переводчик.

Позже этим же утром, когда в перерыве между окончанием *бхаджанов* и началом сессии вопросов и ответов мы все сидели в кафе на Гранд Роуд, мы заметили новое иностранное лицо – за рядом стоящим столиком сидела

женщина, читавшая «Я есть То». Мы ей представились и затем обнаружили, что – вот так сюрприз! – она была профессиональной испано-английской переводчицей, работавшей в Бомбее, и учение Махараджа ей встретилось лишь недавно. Как это обычно происходило и с другими, она решила прийти к Махараджу, но её умение переводить срочно понадобилось только этим утром. Конечно же, Анна-Мария была на седьмом небе: переводчик, в мольбах о котором она провела всю ночь, как по волшебству возник за столиком, стоявшим рядом, всего лишь за пятнадцать минут до начала сессии вопросов и ответов.

Мы все вернулись в комнату Махараджа, с любопытством ожидая узнать, что же Анна-Мария хотела ему сказать. Вот приблизительно то, что ей необходимо было сказать через переводчика:

– Когда я жила в Венесуэле, мне приснилась гора и два человека. Вскоре после этого я узнала, что одним из этих двух был Рамакришна, однако я ещё долго не знала, кем был другой человек и что это была за гора. Затем в прошлом году я увидела фотографию Раманы Махарши и поняла, что он и был тем другим человеком из сна. Когда я нашла о нём больше информации, то поняла, что приснившейся мне горой была Аруначала. Во сне Рамана Махарши посмотрел на меня совершенно особенным образом и передал мне знание о своём учении. Он сделал это не вербально – он просто смотрел на меня, и в то время, когда он так смотрел, я чувствовала, что он наполняет меня пониманием своего учения, знанием, которое я могу сформулировать очень ясно, несмотря на то, что нами не было произнесено ни одного слова. Я знала, что я должна поехать в Индию, чтобы узнать о нём больше. Я уговорила моего друга привезти меня сюда, даже несмотря на то, что знала, что Раманы Махарши больше нет в живых. Я чувствовала, что у меня здесь есть какое-то дело, что-то заставляло меня приехать сюда. Находясь в Тируваннамалае, я услышала о вас и почувствовала, что должна поехать также и к вам. То же необъяснимое влечение, которое заставило меня приехать в Индию, чтобы узнать о Рамане Махарши, заставило меня приехать и к вам. Это невозможно объяснить, я просто знала, что должна приехать сюда.

Тут Махарадж спросил:

– Какое учение было передано вам во сне? Что говорил Рамана Махарши, когда открывал вам своё учение в тишине?

Анна-Мария около пяти минут говорила на испанском без перевода. Лишь после этого последовал перевод. Мы все сидели совершенно потрясённые: переводчица за пять минут кратко, бегло и точно изложила суть учения Махараджа. Это учение явно принадлежало не Рамане, а Махараджу, и эта женщина великолепно его описала. Думаю, что это был один из лучших пятиминутных обзоров этого учения, которые я когда-либо слышал. При этом следует помнить, что всё это было сказано женщиной, приехавшей сюда впервые, и у которой до прихода сюда было лишь совсем небольшое представление об учении Махараджа.

Махараджа всё это впечатлило в той же степени, что и остальных. Он встал, свёл Анну-Марию вниз по лестнице и посвятил её в мантру своей духовной линии, написав эту мантру своим пальцем на её языке. Раньше я уже говорил, что он давал мантру всем, кто этого хотел. Обычно он шептал её в

ваше ухо. Но этот случай передачи мантры без предварительной просьбы является единственным, о котором я знаю, и это единственный известный мне пример написания мантры на языке преданного. Что всё это значит? Не представляю совершенно. Я уже давно отказался от попыток догадаться или объяснить, почему Гуру поступают так или иначе.

Гарриет: Какая великолепная история! Следовательно, вы хотите сказать, что Махарадж заботился о благополучии своих преданных так же, как и другие великие Гуру?

Дэвид: Я бы условно с этим согласился. «Да», потому что это присуще самой природе просветлённых существ – у них просто нет выбора, эти вещи происходят вокруг них автоматически. Однако на более поверхностном уровне ответом может быть «нет». Когда люди обращались к Махараджу со своими личными проблемами, он мог разозлиться и заявить, что его это не касается. Он не считал себя тем, кто имеет дело с отдельными личностями, имеющими проблемы. Я был свидетелем нескольких случаев, когда люди приходили к нему и жаловались, что у них украли все деньги или паспорт, и его стандартной реакцией был выговор этим людям за их беспечность. Однажды, к примеру, я сказал ему о том, что я обеспокоен продолжительностью своего сна. На тот момент я был уверен, что мой вопрос является вполне законным духовным вопросом, поскольку я читал у многих учителей о том, что долгий сон является плохим признаком.

Он же мне так на это ответил:

– Зачем ты приходишь ко мне со своими медицинскими проблемами? Если ты считаешь это проблемой, то сходи к доктору.

И для этого частного случая его совет оказался абсолютно правильным: позже выяснилось, что я страдал обширным поражением анкилостомозом, почти наверняка возникшим в результате того, что я годами ходил в Индии без обуви. Анкилостомы питаются красными кровяными тельцами, и, если не принять нужных мер, они будут съедать их больше, чем организм может произвести. В итоге вы становитесь очень анемичным, что ведёт к постоянной усталости и сонливости. Так что, в этом конкретном случае то, что выглядело как раздражённый, пренебрежительный ответ, оказалось самой полезной вещью, которую он мог сказать. Я бы сказал, что это Атман в нужный момент вложил правильные слова в его уста, хотя тогда никто из нас даже не представить не мог, до какой степени они были правильными.

Несмотря на то, что в основном он неприязненно реагировал на обращения людей с личными просьбами, я думаю, что он полностью отдавал себе отчёт в том, что он заботится о благополучии всех своих преданных, даже если это, как правило, не бросалось в глаза.

Гарриет: Опять-таки, не могли бы вы привести этому пример или это просто предположения?

Дэвид: Я помню большого, толстого человека из Мадраса, который приехал к Махараджу с тем, что он называл проблемой:

– Я много лет практиковал *джану* и в результате обрёл *сиддхи*: если я очень доволен каким-нибудь человеком, то автоматически с ним происходит что-то хорошее. Я не задумываюсь над этим и ничего для этого не делаю, это происходит просто само по себе. Но если я на кого-нибудь рассержен, происходит противоположное. Что-нибудь очень плохое случается тогда, иногда человек даже умирает. Как мне всё это прекратить?

Махарадж ему ответил:

– Все эти *сиддхи* появились, благодаря вашей *джане*. Если вы прекратите выполнять *джану*, *сиддхи* уйдут.

– Не думаю, что я смогу это сделать, – сказал тот человек. – *Джана* настолько меня захватила, что я полностью лишился свободы выбора. Она продолжается сама по себе, независимо от моего желания.

Махарадж повторил свой совет, но этого человека не интересовало применение его на практике. Он выглядел очень довольным собой, и у меня было чувство, что он пришёл сюда лишь с целью продемонстрировать свои достижения. Мои догадки подтвердились, когда он объявил, что теперь он желает отвечать на вопросы присутствующих. Он пришёл не затем, чтобы получить совет, а чтобы самому раздавать советы.

Махарадж попросил его уйти и добавил, что если у него действительно есть интерес к его учению, то вечером он может прийти в дом одной его преданной, профессора санскрита, делавшей иногда для него переводы, и она ему всё объяснит. Ему было сказано больше не возвращаться в эту комнату. Думаю, что Махарадж хотел избавить нас от него, поскольку в нём было что-то странное и угрожающее. Я не большой психолог, но я определённо чувствовал неприятную энергию, исходящую от этого человека, что-то такое, что вызывало у меня физическую тошноту. Его действительно окружала аура плохой энергии. Впоследствии я говорил об этом с другими людьми, и некоторые из них чувствовали то же.

Всё это происходило во время утренней сессии. А вечером профессор санскрита пришла на час позже и выглядела очень взволнованной. Махарадж сразу же спросил, что случилось.

– Тот человек из Мадраса пришёл ко мне домой, и я не могла от него избавиться. Я сказала ему, что мне пора идти к вам, но он и не думал уходить. Я уже собиралась выгнать его. Наверное, он разозлился на меня, и теперь я могу умереть.

Махарадж, казалось, был разгневан. Он выпятил грудь, словно бойцовый петух, готовящийся к сражению, и очень сердито объявил:

– Никто не может причинить вреда моим преданным. Вы находитесь под моей защитой. Этот человек не навредит вам. Если он появится у вас снова, вышвырните его, когда придёт время идти сюда. С вами ничего не случится.

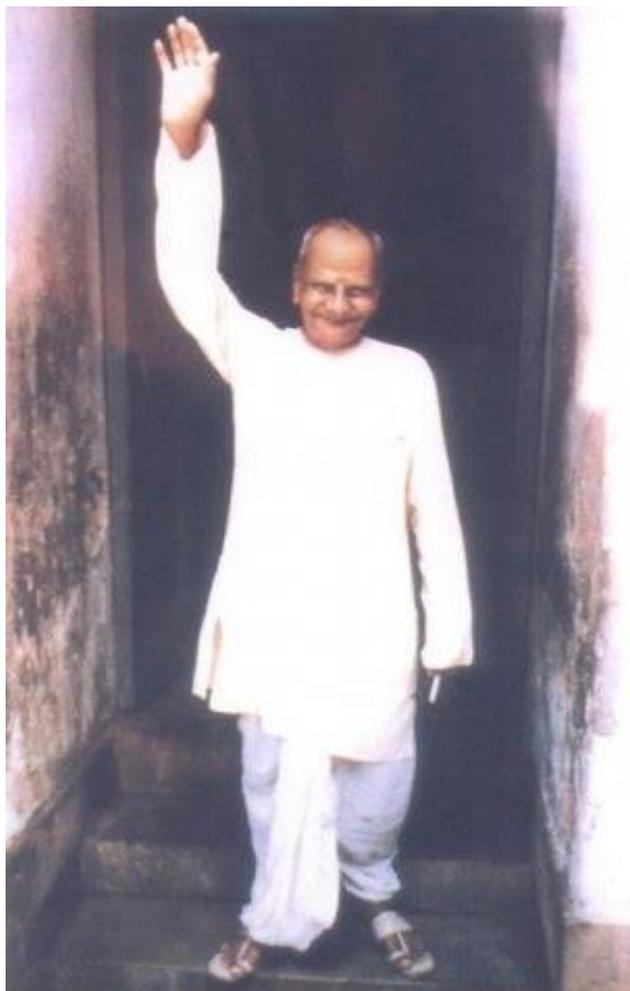
Это был единственный случай, когда я слышал, как Махарадж громко и публично признал то, что он заботится о своих преданных и защищает их.

Махарадж не боялся таких людей. Однажды он рассказывал нам об одном йоге, который пришёл в его табачную лавку, чтобы испытать его силу. Этот йог, по всей вероятности, обладал многими *сиддхами* и пришёл затем, чтобы проверить, может ли Махарадж, который, по слухам, слыл великим человеком, сравниться с ним. Махарадж был как раз занят своими магазинными делами и

отклонял все попытки заставить его продемонстрировать свои возможности. Наконец, желая спровоцировать его хоть на что-нибудь, йог сказал, что наложит на него проклятье и сделает так, чтобы с ним случилось какое-нибудь несчастье.

Махарадж, по-видимому, посмотрел на него с полным равнодушием и сказал:

– Возможно, ты даже способен стащить тысячу солнц с небес на землю, но мне ты ничего не можешь сделать, и меня ты не впечатляешь. А теперь уходи.

Нисаргадатта Махарадж

Гарриет: А что вы скажете о себе? У вас есть какие-нибудь личные примеры того, как Махарадж присматривал за вами, заботясь о вашем физическом благополучии, равно как и о вашем духовном здоровье?

Дэвид: Со мной не происходило ничего даже отдалённо напоминающего эффектный визит Анны-Марии, но я могу рассказать вам историю об одной поездке к нему. Во время этой поездки произошло несколько событий, которые,

на первый взгляд, не имеют отношения к тому, о чём вы спрашиваете, но к концу этой истории вы поймёте, к чему всё это.

В 1980 году я захотел увидеть Махараджа, но у меня совсем не было денег. Мне не за что было купить билет на поезд, и я не мог себе позволить задержаться в Бомбее дольше, чем на один или два дня. Я принял приглашение провести беседу о Бхагаване на семинаре в Дели с условием, что я смогу вернуться обратно через Бомбей. Мой билет на поезд оплачивали организаторы, так что транспортные расходы меня больше не беспокоили. Мои скудные средства позволяли мне оставаться в Бомбее два дня, и я заказал билеты соответственно. В Индии вы должны бронировать билеты заранее, по меньшей мере, за семь-десять дней до поездки, чтобы попасть на нужный вам поезд.

Я выступил в Дели и затем сел на поезд до Бомбея. В электричке, которая в Бомбее ходит от главной станции до Гранд Роуд, у меня украли все деньги, паспорт (который, пока я ждал нового паспорта, на тот момент заменял временный документ, выданный мне для поездок) и билет на обратный поезд. Это была классическая работа. Когда все одновременно стараются протиснуться в вагон, всегда возникает давка. И в этой общей свалке кто-то ухитрился разрезать дно моей сумки и вытащить кошелёк. На самом деле, моей первой реакцией было восхищение – настолько чисто и профессионально всё было проделано. Длина разреза лишь на полдюйма превышала длину кошелька, и вся эта манипуляция была совершена за те пару секунд, пока я пытался удостовериться, что мне удалось забраться в поезд.

К счастью, билет на эту электричку лежал в кармане моей рубашки. В те дни штраф за безбилетный проезд составлял 10 рупий (около 20 центов в пересчёте на американские доллары по тогдашнему курсу) и мне нечем было бы его заплатить, если бы я не смог предъявить билет. Когда я приехал на Гранд Роуд, я был практически без денег. Думаю, на тот момент у меня было чуть больше одной рупии – эта забытая мелочь обнаружилась в одном из карманов моих брюк – что и составляло всё моё земное богатство. Я отправился в 10-й переулок района Кхетвади, где жил Махарадж, и вложил всю свою мелочь в чашку чая и утреннюю газету. Утро было ещё очень ранним, и я знал, что должно пройти ещё часа два до появления здесь кого-нибудь из моих знакомых. Идти в дом и рассказывать Махараджу о том, что меня обокрали, я не хотел, помня его реакцию в таких ситуациях. Я надеялся занять денег у кого-нибудь из знакомых и найти для ночлега место где-нибудь на полу, поскольку без паспорта в гостиницу меня бы не пустили.

К ожидаемому мною времени появилась Джин Данн, и я рассказал ей о случившемся. Я был хорошо с ней знаком, поскольку до того, как она стала ходить к Махараджу в Бомбее, пару лет она прожила в Раманашраме. Она одолжила мне несколько сотен рупий, которых, по моим расчётам, должно было хватить на два дня проживания в Бомбее и дорогу в Тируваннамалай. Позднее этим утром я планировал сходить на железнодорожную станцию и забрать обратный билет. Однако у Махараджа относительно меня были другие планы.

Кто-то рассказал ему, что я был ограблен в электричке, и я крепился, готовясь к неизбежному выговору. Однако вместо этого, он был на удивление

полон сочувствия. Он поговорил с одним из своих преданных, банковским служащим, и попросил его приютить меня на время моего визита. В результате я оказался в прекрасном доме в очень хорошем районе Бомбея, что весьма отличалось от наполненных клопами дешёвых номеров, в которых я обычно останавливался. Позже этим же утром я отправился на железнодорожную станцию за билетом. К моему большому удивлению, моё имя не числилось в списках ни одного из шедших в Мадрас поездов. Тогда ещё не было компьютеров, бронирование и продажа билетов регистрировались вручную в соответствующих объёмных журналах. Очень вежливый и доброжелательный железнодорожный чиновник (вы не часто таких встретите, если только в Индии вы не связаны с Гуру!) целых два часа возился с регистрационными журналами в поисках информации о моём билете. Всего каждый поезд вмещал около 750 пассажиров, и я думаю, что в тот день, когда мне нужно было уезжать, на Мадрас уходило три или четыре поезда. После просмотра более двух тысяч имён он с сожалением констатировал, что у меня нет брони ни в одном из поездов, которые должны уходить в тот день. Тут у меня возникли подозрения, что какая-то сила хочет, чтобы я остался в Бомбее, так как подобные ошибки в железнодорожной системе бронирования являются слишком редкими. За двадцать семь лет моего пользования услугами железной дороги ещё никогда не случилось, чтобы я пришёл за билетом и узнал, что моей брони не существует. У меня не было другого выбора, кроме покупки нового билета, что я и сделал, поскольку располагал одолженными у Джин деньгами. Следующий поезд со свободным местом шёл только через две недели, что значило, что теперь у меня была масса времени для общения с Махараджем.

Приехал я с мизерным количеством денег, рассчитывая лишь на двухдневный визит, а вместо этого, благодаря любезности Махараджа и загадочному случаю в железнодорожной кассе, я получил возможность на две недели остановиться в роскошном доме одного из преданных.

Я вернулся к Махараджу и узнал, что кто-то уже успел сообщить ему о беседе на тему учения Раманы Махарши, проведенной мною на днях в Дели, о которой я тоже не хотел ему рассказывать. У Махараджа были строгие взгляды относительно непросветлённых людей, читающих публичные лекции о просветлении. Я же на самом деле пошёл на это только ради возможности увидеться с ним, хотя и догадывался, что он не сочтёт это достаточным оправданием.

О том, что он узнал о моём выступлении, мне стало ясно, когда я вошёл в его комнату и он окликнул меня, предложив мне выйти вперёд. Я вышел и сел лицом к нему на том месте, где обычно сидели люди, задающие вопросы.

– Нет, нет, – сказал он, – садись рядом со мной лицом к людям.

Я упал духом. Я знал, что мне не понравится то, что он задумал.

– Посмотрите на мою маленькую комнату, – начал он, – всего лишь около тридцати человек приходит сюда, чтобы меня слушать. А вот Дэвид недавно провёл духовную беседу в Дели. Наверное, сотни людей пришли, чтобы его услышать, значит, несомненно, у него это выходит лучше, чем у меня. Поэтому сегодня Дэвид проведёт беседу и с нами.

Это было худшее, что я мог себе представить, когда он меня подзывал. Сделав безуспешную попытку увернуться от его приглашения и поняв, что

своих намерений он изменять не собирается, я сделал пятиминутный обзор конспекта, который я читал для делийской аудитории. Его темой было единство между практикой отдачи себя и само-исследованием в учении Бхагавана. Один из переводчиков попросил меня говорить медленнее, чтобы он мог делать синхронный перевод для Махараджа. Пока я говорил, Махарадж очень пристально смотрел на меня. Думаю, что он ждал возможности налететь на меня, как только я скажу что-нибудь такое, с чем он будет не согласен. Я дошёл до конца обзора, ни разу не будучи перебит каким-нибудь уничтожающим высказыванием Махараджа. Мне казалось, что уже одно только является весьма весомым достижением.

Когда я закончил, он взглянул на меня и сказал довольно мягким тоном:

– Мне не с чем спорить из того, что ты сказал. Всё, что ты сказал, верно.

После чего он снова разгорячился и произнёс с большим нажимом и решительностью:

– Но не ходи кругом, рассказывая людям о том, как стать просветлённым, пока сам не достигнешь этого состояния. Иначе ты закончишь, как Уолтер Кирс.

Я уже говорил вам, какого он был мнения об Уолтере Кирсе и его учительской деятельности. Мне решительно хотелось избежать подобной участи. Всё это случилось двадцать три года назад, и с тех пор я больше не провёл ни одной публичной беседы.

Теперь я расскажу о том, каков был конец этой истории. В Тируваннамалай я вернулся с опозданием более чем на две недели. Меня не ждали никакие финансовые поступления, сообщений о том, что мне следует получить от кого-то деньги, также не было, и у меня был долг в несколько сот рупий, который я должен был вернуть Джин. На следующее утро я вышел на работу в библиотеку ашрама и нашёл на своём столе оранжевый конверт с моим именем на нём. Я открыл его и обнаружил пачку банкнот. Сосчитав их, я увидел, что сумма точно соответствует той, которая была украдена у меня в Бомбее, – ни рупией больше, ни рупией меньше. Не было никакого упоминания о том, кто положил здесь эти деньги, и никто никогда так и не взял на себя ответственность за это. Насколько я знал, в Тируваннамалае никому не было известно о краже. Сам я никому здесь об этом не говорил, и, кроме того, на тот момент не прошло даже суток со времени моего возвращения в Тируваннамалай.

Думаю, что вся эта ситуация была организована силой, присматривающей за делами тех преданных, у которых есть сильная потребность быть с Гуру. Эта сила привела меня в Бомбей, украла мои деньги и билет, уничтожила все следы моей брони из железнодорожных журналов, обеспечила меня великолепным жильём более чем на две недели, доставила меня обратно в Тируваннамалай, после чего вернула мне все деньги через анонимного спонсора.

Гарриет: А где вы обычно останавливались, когда приезжали в Бомбей? Как находили себе жильё другие приезжие преданные, и где все вы ели и спали? Я спрашиваю об этом, поскольку ведь не было ни ашрама, ни какого-либо другого центра, где могли бы останавливаться преданные Махараджа.

Дэвид: Это зависело от вашей платежеспособности. Бомбей всегда был дорогим городом. Если у вас не было больших средств, ваш выбор был очень ограничен. Некоторые из моих друзей обычно останавливались в буддистском ашраме, но, как следствие, это включало в себя участие в большом количестве ритуалов, что многих из нас не устраивало, поскольку время проведения некоторых из них совпадало со временем сессий у Махараджа. Были и другие дешёвые места, которые могли либо далеко находиться, либо так же требовать участия в какой-нибудь деятельности, чего вы предпочли бы избежать, либо вы должны были подчиняться странным и неудобным правилам. Я избегал всех этих мест и всегда останавливался в дешёвых номерах, которые находились примерно в 200 ярдах от дома Махараджа в том же переулке. Называлось это место «Пурнима», и многие из нас, кто был ограничен в средствах, в итоге оказывались там. Кажется, двухместный номер стоил там 22 рупии – невероятная цена для Бомбея даже по тем временам. Через две улицы от гостиницы находилось одно заведение, где подавались дешёвые обеды для трудящегося в этом районе местного населения. Это было глиняное сооружение, в котором не было ни столов, ни стульев. Но зато вы получали здесь отличный обед: чапати, дал и овощи – за 1,40 рупии. Я не помню, какой тогда был курс, думаю, что около двенадцати рупий за доллар. Так что, вы можете теперь оценить эту стоимость.

Когда вы впервые приходили к Махараджу, он обычно интересовался, где вы остановились. Если вы говорили, что в «Пурниме», он знал, что ваши финансы либо ограничены, либо вы их строго экономите. Он явно одобрял тех людей, которые не сорили деньгами и умели хорошо торговаться. Он всю свою жизнь был бизнесменом, знавшим цену каждой рупии, и его порядком раздражали иностранцы, разбрасывающиеся деньгами и позволяющие себя грабить.

Однажды, когда я был у него утром, пришедшие преданные подносили ему цветы и сладости. Люди приносили цветы для украшения портретов во время *Гуру-пуджи*, проводившейся каждое утро, а некоторые приносили и сладости, которые в конце ритуала раздавались в качестве *прасада*. В тот раз перед ним стояли три иностранки, держащие цветы со стеблями, которые они надеялись поместить в вазы, находившиеся рядом с местом Махараджа. Он спросил одну из них, сколько она заплатила за свои цветы, и, когда она назвала цену, он был шокирован. Он рассердился на неё, сказал, что её обманули, и отказался от этих цветов. Вторую женщину постигла та же участь. Цветы третьей женщины были приняты, потому что она немного поторговалась, в результате чего цена была снижена до разумного уровня. Так что, преданность могла и не быть решающим фактором, когда речь шла о том, будут ли приняты ваши цветы. Лучшим способом достичь помещения ваших цветов в его вазу был яростный торг за цену, которая бы его удовлетворила.

Ну а поскольку я уже затронул тему цветов, то мне хотелось бы отступить ещё немного и рассказать вам о *бхаджанах* и *Гуру-пудже*, которые проводились между медитацией и сессией вопросов и ответов. Единственная возможность надеть на Махараджа гирлянду из цветов возникала только во время этих ритуалов. После того, как гирлянды были надеты, Махарадж становился в середине комнаты и бил в кимвалы в такт распеваемого *бхаджана*. Его глаза почти всегда бывали закрыты. Начинал он с маленьких

тарелок, надеваемых на пальцы, диаметром в один или два дюйма. По мере того, как *бхаджан* набирал силу, он переходил к тарелкам всё больших и больших размеров, которые передавались ему его помощником. Самая последняя пара размером напоминала крышки мусорного бака – тарелки были огромными, а издаваемый ими звук был совершенно оглушительным: его было слышно через несколько улиц оттуда. Когда Махарадж добирался до набора самых больших кимвалов, на нём уже было надето столько гирлянд, что они лежали целой горой, высота которой порой достигала двух футов. Бить в самые большие кимвалы было невозможно без полного уничтожения гирлянд. Махарадж ударял в кимвалы, его глаза были закрыты, и каждый раз, когда тарелки смыкались, во все стороны летели лепестки. К концу всего этого действия пол был устлан обрывками цветов, которые Махарадж изорвал и разбросал по всей комнате. Это было красивое зрелище, и я никогда не уставал любоваться Махараджем, изо всех сил ударяющим тарелками одна о другую и разбрасывающим цветы во все стороны.

Но давайте вернёмся к его любви к бережливости. Приехав к Махараджу в 1979 году, я остановился в «Пурниме». Тогда я провёл с ним две недели перед тем, как улететь в Англию, чтобы повидаться со своей семьёй впервые с того времени, как в 1976 году я приехал в Индию. Билет прислала мне моя мама, чувствуя, и, наверное, небезосновательно, что, если она не оплатит мою поездку, я могу не приехать уже никогда. От моих друзей в Англии у меня собрались заказы на «Я есть То». Британская цена на эту книгу была почти в десять раз выше, чем в Бомбее, поэтому все преданные Махараджа, которых я знал в Англии, сделали мне заявки на дешёвые экземпляры. Я пришёл к Махараджу с этой огромной кипой книг и попросил его подписать их для людей, ждавших их в Англии.

Он очень подозрительно на меня посмотрел и сказал:

– Я думал, у тебя нет денег. Как ты смог купить столько книг?

Я объяснил:

– Это не для меня. Это для людей из Англии, которые не хотят платить за них по местным ценам. Они прислали мне деньги, чтобы я привёз им индийские экземпляры.

Когда я назвал ему розничную цену в Лондоне, он откровенно ужаснулся:

– Возьми с собой максимальное количество! Никто не должен столько платить за книгу!

Он достал ручку и с удовольствием подписал все книги.

Гарриет: Вы продолжали приходить к нему до самой его смерти? Вы были там в его последние дни?

Дэвид: Нет, я не хотел там быть. Я не хотел сидеть там, наблюдая, как он медленно умирает. Я хотел, чтобы в моей памяти остался человек, который был вечным двигателем, исполненным невероятной жизненности центром силы и энергии. Я знал, что он не считает себя телом, но мне не хотелось там находиться, глядя на то, как рак медленно превращает его в инвалида. Не

помню уже даты моего последнего прихода, но помню, что тогда он говорил ещё без каких-либо проблем.

Я ещё не рассказывал вам, как Махарадж контролировал поток людей через свою комнату. Вам необходимо об этом знать, чтобы понимать, как всё развивалось дальше. Из-за тесноты его комнаты Махарадж, как правило, разрешал проводить с ним только две недели. Новые люди приходили ежедневно, но на полу для всех просто не было места.

Когда Махарадж видел, что комната переполнена, он «выдёргивал» нескольких человек, находившихся у него дольше всех, и просил их уйти с такими словами:

– Вам можно уходить. Пришли новые люди, а места нет.

Те, кого он отбирал, должны были затем уйти, но если у них оставался интерес к его беседам, то через два месяца они могли вернуться и находиться с ним очередные две недели. Многие из нас придерживались этой системы: две недели у Махараджа чередовали с двумя или более месяцами где-нибудь ещё. Обычно, придя к нему, я сообщал, что у меня есть обратный билет до Мадраса с датой отправления через две недели. Тогда он был уверен, что в назначенный день я уеду.

Однако я помню, что, приехав к нему в последний раз, я пытался остаться с ним на несколько дней дольше, чем планировал изначально. Я сел в дальнем углу, надеясь, что он меня не заметит, поскольку понимал, что моё время истекло. Но одним утром что-то меня задержало, и я не смог вовремя забраться в свой угол. Мне пришлось сесть довольно близко к нему, успешно загородив от его взгляда людей, сидевших непосредственно за мной. Должен сказать, что мой рост – 1,89 м, а длина спины непропорционально большая относительно моего роста. У меня короткие ноги, а спина длинная, и это значит, что, когда я сижу на полу с выпрямленной спиной, верхушка моей головы находится на такой же высоте от пола, как у человека с ростом около 1,95 м. И, конечно же, именно в то утро Махарадж захотел поговорить с кем-то, сидящим прямо за мной и бывшим значительно ниже меня. Я сделал безуспешную попытку отодвинуться, а Махарадж попытался заглянуть за меня, но всё было бесполезно, поскольку лишнего места для моих манёвров просто не было. Теснота была, как у сардин в банке.

Наконец, Махарадж посмотрел на меня и сказал с некоторым раздражением:

– Почему ты всё ещё здесь и занимаешь место на полу? Я не вижу людей за тобой. Ты переполнен знаниями, они лезут у тебя из ушей и засоряют мой ковёр. Ты уже можешь уйти и освободить место для других.

Это был последний раз, когда он говорил со мной. Я принял его сердитую фразу как благословение и как некое свидетельство об окончании курса. В тот день я ушёл и больше никогда не возвращался.

В течение следующих нескольких месяцев ко мне поступали сведения о его слабеющем здоровье, но у меня никогда не возникало искушения вернуться хотя бы ещё раз. То есть, так было до тех пор, пока он неожиданно мне не приснился и не позвал к себе. Этот сон был такой напряжённый, что я проснулся. Я лежал в кровати, недоумевая, то ли он на самом деле позвал меня, то ли это просто выраженное подсознанием моё тайное желание поехать к

нему, чтобы увидеться с ним ещё раз. Я снова уснул, так и не разобравшись в этом.

Несколькими минутами позже он снова возник в моём сне и произнёс, пристально глядя на меня: «Я только что сказал тебе прийти. Почему ты мне не веришь?»

Я проснулся и понял, что он хочет, чтобы я приехал. Возможно, он хотел воспользоваться последним шансом для нанесения удара по моему упрямому эго. Я не поехал, и у меня нет никаких удовлетворительных оправданий для отказа отвечать на этот сон. Это случилось прямо перед его уходом в 1981 году. Я могу привести ряд причин, но ни одна из них не звучит для меня правдоподобно и удовлетворительно. Когда я анализирую свои воспоминания об этом событии, я не могу найти ни одного оправдания, которое могло бы успокоить мою совесть. Я не поехал, и мне так и не удаётся вспомнить, что же мне помешало.

Гарриет: Эти сны продолжаются? Он просил вас снова прийти?

Дэвид: Нет, это было лишь той ночью. Но когда он умер, мне часто стали сниться яркие сны, в которых я приходил к нему в его комнату. Я поднимался по лестнице и находил его в комнате, сидящим на своём обычном месте и рассказывающим о своём учении в своей обычной манере. Во сне моя логика пыталась понять, как может быть, что он всё ещё здесь, всё ещё учит. В такие моменты одна моя часть понимала, что он уже умер, но другая часть видела его всё ещё живым, всё ещё наставляющим в своём обычном углу. В этих снах я иногда приходил к выводу, что он вовсе и не умирал, а только симитировал свою смерть и ждёт теперь, когда разойдётся толпа и он сможет вернуться к своим наставлениям для маленькой группы людей, которые каким-то образом знают обо всей этой игре. Во сне мой мозг изобретал всевозможные истории вроде этой, но даже во сне они никогда меня не убеждали. Я знал, что что-то не так, но мне так и не удавалось выяснить, что именно.

Эти сны продолжались на протяжении всех 1980-х и ещё долго в 1990-х гг. Но последний сон в этой череде отличался от других. Я обнаружил Махараджа, наставляющего маленькую группу людей в медицинском пункте Раманашрама. Уже одно это было необычным, поскольку до сих пор я не видел его в своих снах нигде, кроме его комнаты. И люди тоже были другими. Это не были индийские лица, населявшие его комнату в моих предыдущих снах о нём. В этот раз присутствовали только иностранцы и всех из них я хорошо знал. И на этот раз уже не было ни сомнений в том, что он был жив, ни вопросов, почему он всё ещё был жив.

Я посмотрел на Махараджа, затем повернулся к моим друзьям, сидящим на полу вместе с ним, и в состоянии сильнейшей экзальтации воскликнул:

– Видите?! Я же говорил вам! Он жив! Он вовсе не умирал! Он всё ещё жив!

Сны прекратились, и больше он никогда мне не снился.

Гарриет: Как вы это объяснили? Каков был в этом смысл для вас?

Дэвид: Мне не нужен Фрейд, чтобы это объяснить. Он не умер, поскольку никогда не рождался. Он жив во мне как моя собственная Самость, Атман. Он не может умереть. Он внутри, ожидая своего времени, ожидая, когда те слова, которые он во мне посадил, разрушат меня и мой маленький, ограниченный мирок. Я знаю, что он меня не покинул, и я знаю также, что однажды он победит.

Постскриптум

За годы, прошедшие со времени публикации этого интервью в Интернете, меня много раз спрашивали о том, кем же был тот таинственный Руди. Некоторые люди предполагали, что, возможно, это тот самый Руди, который ассоциируется со Свами Муктанандой и который одно время был учителем Да Фри Джона. Однако, определённо, это был не тот человек.

Я не имел ни малейшего представления о том, кем он был и что с ним стало впоследствии, пока несколько лет назад не получил следующее электронное письмо:

«Дорогой Дэвид,
Несмотря на доступность информации благодаря развитию виртуальной связи, большое количество ценного материала остаётся непрочитанным, если только вам кто-нибудь не посоветует обратить внимание на ту или иную статью в Интернете. По счастью, нас всё ещё спасают личные отношения с другими людьми, помогающими нам находить такие прекрасные послания и интервью. Благодаря живому и сообразительному уму нашего общего друга Мулларпаттама, я прочла эту статью о Нисаргадатте Махарадже. Мне подумалось, что Вам, возможно, будет интересно узнать больше о канадце по имени Руди. Тогда он действительно уехал в Канаду, откликнувшись на просьбу своего отца, перенёсшего операцию на позвоночнике, оказать ему помощь. Впоследствии он переехал в Северную Калифорнию, чего требовали дела бизнеса и необходимость обеспечения благополучия семьи. На протяжении всех этих долгих лет внешне он больше не уделял внимания серьёзным метафизическим исследованиям, и эту жертву могут понять лишь те, кто знал его раньше. Но в его общении с окружающими людьми всегда проявлялась его глубокая осознанность, а его равнодушие к престижному положению, достигнутому благодаря его успеху, отличало его от других участников крысиной гонки. Он продолжает жить просто и правдиво, являясь маяком целостности для тех из нас, кто удостоен чести быть рядом с ним.

С уважением,
Хелен Мелнитцер,
”женщина, пришедшая вместе с Руди”»

В своём ответном письме я спросил её, сколько времени она и Руди провели рядом с Махараджем. На это она ответила так:

«Дорогой Дэвид,

С Руди мы приехали туда 18 февраля 1978 года. Тогда мы посетили более 60 утренних сатсангов подряд, часто приходя на пение послеполуденных бхаджанов и гимнов, в котором участвовал Махарадж и его преданные. Затем мы уехали и в течение следующих полутора лет приезжали, наверное, каждые 6-8 недель ради этих личных встреч Махараджа и Руди. Казалось, что, когда бы Руди ни находился рядом с Махараджем, там были лишь они одни, лишь двое в той комнате...

Всего наилучшего,
Хелен».

Нисаргадатта Махарадж